
2. УЧЕНИЕ ЖУАНА МАТУСА

От составителя

Запись *учения Жуана Матуса*, так же как и Бхагавадъ Гита, проистекает из древней мистической традиции, но географически прямо противоположенного направления, принадлежа к исчезнувшей мезо-американской культуре тольтеков. С несомненной блистательной и непоколебимой силой она потрясает своей мощью, глубиной и поэтикой, неизмеримо превосходя подавляющее большинство религиозных и философских человеческих письменных произведений всех времен и народов.

Это древнее учение достаточно случайно открылось широкой публике в изложении современного антрополога латиноамериканского происхождения Карлоса Кастанеды в этом плане является детальное и скрупулезное (можно даже сказать — академически педантичное) изложение всего того, что он видел и слышал в своих многочисленных экспедициях в Мексику. В свое время в околонуточных американских кругах развернулась целая дискуссия о степени достоверности и даже мистификационности этих антропологических записок, приведенных талантом автора в плане драматизма, поэтики и экспрессии к уровню литературных бестселлеров (см.: Daniel C.Noel. Seeing Castaneda. N.Y., 1976). Однако любому настойчивому наблюдателю несомненно, что концепции такой глубины, искренности, сарказма и новизны не способны залезть в голову ни только какому-нибудь там университетскому аспиранту, профессору или ученому академику, но даже и самому талантливейшему писателю, фантасту, мистификатору, шарлатану, а также любым другим идолам современной поп-культуры, включая и так называемых *всемирных духовных учителей*, не считая всяких там обыденных ясновидцев, предсказателей, телекинезеров, экстрасенсов, обожателей внеземных цивилизаций и иже с ними.

При первых чтениях это учение может показаться кардинально отличным от других известных мистических концепций древних цивилизаций. Однако постепенно между ними начинает проявляться неразрывная глубинная связь и единство. Это очень похоже на древнеиндийскую притчу об ошупывании слона несколькими слепыми. Сначала мы ошупали ногу и представили себе слона огромным толстым деревом. Затем мы ошупали хвост и представили слона уж очень похожим на змею. И вот теперь мы ошупываем уши, похожие на большие листья, и недоумённо удивляемся всем этим ра-

зительным различиям. Но вот вдруг приходит момент, когда мы начинаем постепенно догадываться, что все эти части созданы — то из одной и той же плоти, и все они несомненно принадлежат единому, никем не виданному и удивительному существу.

Наверно, впервые в истории имеется возможность познакомиться с древней и чрезвычайно детализованной и отточенной мистической практикой непосредственно из уст одного из ее Учителей. И все это случилось, благодаря уникальным персональным особенностям Карлоса Кастанеды. В самом деле, для любого ученика, действительно ассимилировавшего на практике подобное учение, не может придти в голову даже шальная мысль о необходимости и полезности делиться этим с каждым встречным, поскольку бессмысленность такого акта во всем аспектах очевидна из самой сути Учения.

Публикуемый ниже перевод избранных выдержек из книг К.Кастанеды достаточно случайно оказался в наших руках в начале восьмидесятых годов. Из сопоставления этих отрывков можно сделать вывод, что переводчик постарался выбрать из всего необъятного материала только те редкие фрагменты, в которых сконцентрирована глубинная поэтика философских и мировоззренческих концепций, оставив за бортом все многочисленные и мало значимые ритуальные, психоделические, этнографические и бытовые подробности. Мы полагаем, что все прочие абзацы и главы в писаниях Кастанеды за пределами рассматриваемого извлечения — не более чем второстепенные технические детали.

Кроме того, сам стиль этого ранее неопубликованного перевода выгодно отличается в плане аутентичности источнику от появившихся на книжных прилавках в начале 90-х годов других самостийнополных переводов, которые умудряются перевернуть даже стопроцентно однозначные заглавия, периодически демонстрируя отсутствие чувства не только английского, но даже и русского языка. В этом еще раз отчетливо проявляется деградация современной прозаической машинно-манитарной культуры, влиянием которой удалось в кратчайшие сроки искоренить всю многовековую блестящую традицию русского перевода, представленную в современности такими шедеврами, как непревосходимые переводы Пастернаком — Шекспира, Н.Евдокимовой — Р.Шекли, С.Кучера — Чжуан-Цзы, А.Каменской — Бхагавадъ Гиты и многие другие (и это относится не только к данному разделу, но и к переводам индусов, даосов, буддистов, взгляде на всемирную историю и пр.).

Вместе с тем, сама последовательность многокнижия Кастанеды достаточно неоднородна. Первые четыре книги написаны приблизительно в одном стиле репортажей очевидца с места неординарных событий, в которых высшей точкой несомненно является последняя. Далее наблюдается существенное смещение тональности в связи с постепенным преобладанием воспоминаний из раннее невоспринимаемого, так называемого *левостороннего сознания* (хотя применительно к мозгу, а не к телу, по современным представлениям корректнее было бы его назвать *правосторонним*). В этом плане примечательна переходная шестая книга, где уточняются многие принципиальные пункты *Доктрины*, но и наплывают и многочисленные второстепенные детали, относящиеся только к конкретному *регламенту*. В прагматическом плане это аналогично детальному изложению православного ритуала, которое может быть очень познавательно любопытно для католического ксендза

или буддийского ламы, но совершенно бесполезно для них в плане личного совершенствования. Хорошо известно, что неукоснительность *регламента*, кроме обеспечения персональной устойчивости в ходе обучения, нацелена и на прагматическое сохранение *Традиции* в последующих поколениях. Седьмая книга постепенно нисходит к уровню мастеров сказочно-эпической фантастики, а затем вообще идет резкое падение в компиляцию повторений и перефразировок из уже сказанного с прогрессирующим убыванием силы и поэтики, напоминая жалкие и беспомощные трепыхания рыбы, выброшенной на берег. Не исключено, что они просто смоделированы хакерами из чисто коммерческих соображений или же для дискредитации ранее опубликованных. Кто знает...?

Примечание переводчика

В связи с тем, что в тексте встречается ряд специальных терминов, английские обозначения которых достаточно условны и имеют много различных смысловых значений и оттенков, то эти термины представлены транскрипциями их английских обозначений. К таким терминам относятся: *сосер* (sorcerer — маг, колдун, волшебник, чародей); *пауа* (power — сила, энергия, мощь, могущество, власть, способность, возможность); *бенефактор* (benefactor — благодетель, жертвователь); *вилл* (will — воля, желание); *эллай* (ally — союзник), *мульда* (mould — форма, шаблон, почва, прах), *дриминг* (dreaming — сновидение, грезы, воображение), *сталкер* (от stalk — подкрадываться [к дичи], идти крадучись). Исключение сделано для термина *indulge*, *-нсе* (предаваться, позволять себе, потворствовать, баловать, доставлять удовольствие), русская транскрипция которого плоха на слух, поэтому для его введены словообразование "погрязнуть", "погрязание".

Для ряда терминов использованы их дословные русские эквиваленты: *знание* (knowledge), *сознание* (consciousness) *неделание* (not-doing), *пауа-походка* (gait of power), *стирание личной истории* (erasing personal history), *светящееся существо* (luminous being), *безупречный* (impeccable), *воин* (warrior), *видеть* (see), *пророк* (seer) и другие.

Исключительное положение в тексте занимают два термина из языка североамериканских индейцев: *тонал* (произносится toh-na'hl) и *негуал* (произносится nah-wa'hl). Вряд ли можно привести ёмкое и краткое определение этих терминов, поскольку их смысл последовательно проясняется из всего текста.

Перевод по возможности носит дословный характер. Это сделано специально ещё и для того, чтобы гладкость литературного языка не вынуждала воспринимать известные с детства русские слова исключительно и только в их шаблонных газетных значениях. Сохранено и присущее оригиналу англоязычное (а не испаноязычное или какое-либо другое) озвучание имен собственных: так *Жуан* может интерпретироваться равнозначно, как *Хуан*, *Гуан*, *Джон*, *Жан*, *Ганс*, *Йоган*, *Иван* или *Иоанн* и т.п.

1. Нескончаемое путешествие

цитируется по книгам:

Carlos Castaneda. The Teaching of don Juan (A Yaqui Way of Knowledge). — *University of California press, Los Angeles & London, 1971.*

Carlos Castaneda. A Separete Reality (Futher Conversations with Don Juan). — *Penguin books, 1973.*

Carlos Castaneda. Journey to Ixtland (The Lessons of Don Juan). — *Penguin books, 1975.*

Исходные положения

1. Становление *человеком знания* (man of knowlege) есть предмет учения:
 - а) нет явных требований, чтобы стать человеком знания;
 - б) есть некоторые скрытые требования;
 - в) решение, кто может учиться становлению человеком знания, производится посредством безличной силы.

2. *Человек знания* имеет негибкое намерение (intent), а также:
 - а) скромность, экономичность (frugality);
 - б) здравость, трезвость суждений (soundness);
 - в) отсутствие свободы нововведений.

Обладание негибким намерением означает обладание волей выполнить все необходимые процедуры с сохранением себя все время в жестко в рамках знания, которое изучается. Человек способен к выполнению экстраординарных актов, если он будет экономен в другой активности, прямо не связанной с такими предопределенными актами.

3. *Человек знания* обладает чистотой, ясностью (clarity) ума:
 - а) свобода искать путь;
 - б) знание специфических целей;
 - в) бытие текучим (податливым и ресурсивным, fluid).
4. Становление *человеком знания* происходит в напряженной работе:
 - а) развивать драматическое усилие, старание (exertion);
 - б) достигать эффективности, действенности (efficacy);
 - в) принять вызов (met challenge).
5. *Человек знания* является *воином* (warrer):
 - а) иметь уважение (respect) к тому, что делает;
 - б) иметь страх (fear);

- в) быть полностью разбуженным (wide-awake);
- г) быть самоуверенным (self-confident).

Существование человека знания есть непрекращающаяся борьба и идея, что он должен быть воином, позволяет ему достичь эмоциональной стабильности. Смерть является одним из главных действующих лиц, когда каждое действие включает борьбу за выживание.

Иметь уважение эквивалентно способности оценивать свои незначительные ресурсы перед лицом Неизвестного. Тренировка такого отрезвления (sobering) позволяет достигнуть такого специфического знания, которое в противном случае может показаться абсурдным в рациональной альтернативе.

Ученик первоначально должен всемерно позволять себе бояться и побеждать страх при выполнении действий. На более высокой стадии страх исчезает в результате знания, но побороть и познать его причины можно только встретившись лицом к лицу.

Человек на войне должен быть бдительным (alert), чтобы знать: 1) намерение; 2) ожидаемое течение (flux). Т.е. иметь способность детектировать тонкие изменения, знаменания, соотношение специальных целей, требуемых актов и своих собственных целей в их выполнении.

Без самоуверенности *воин* неспособен выполнить один из наиболее значимых аспектов учения: возможность провозгласить знание как силу!

- б) становление *человеком знания* есть непрекращающийся процесс:
 - а) идея постоянного обновления вопросов становления человеком знания;
 - б) идея собственного непостоянства;
 - в) идея необходимости следовать “пути с сердцем”.

Есть четыре символических врага, последовательно встречающихся на пути обучения: страх, ясность (clarity), могущество (power) и старость.

7) *человек знания* имеет *союзника* (эллая, ally), в то время, как обычный человек — нет, и в этом наиболее существенное отличие:

- а) *эллай* бесформенный;
- б) *эллай* ощущается как качество;
- в) *эллай* приручаем (tameable);
- г) *эллай* имеет *правило*.

Эллай — существо, “сила, способная переводить человека сверх его собственных ограничений”.

Обособленная реальность

Я сделал пару глубоких дыханий и выпалил вопрос: Что есть смерть, дон Жуан?

— Я не знаю, — сказал он улыбаясь.

— Я имею в виду, как ты мог бы описать смерть? Мне нужно твое мнение. Я полагаю, что каждый имеет определенное мнение о смерти.

— Я не знаю, о чем ты толкуешь.

У меня была Тибетская Книга Мертвых в багажнике машины. И мне представился случай использовать ее как предмет обсуждения, так как она имела дело со смертью. Я сказал, что собираюсь почитать ее ему и начал подниматься. Он заставил меня сесть и пошел за книгой сам.

— Утро — плохое время для *сосеров*, — сказал он, как объяснение необходимости мне остаться на месте. — Ты слишком слаб, чтобы покинуть мою комнату. Здесь внутри ты защищен. Если ты пошел бы бродить сейчас, есть вероятность, что ты можешь убить себя на дороге или в кустах и потом, когда они найдут твое тело, то скажут, что или ты умер таинственно или это была случайность.

У меня не было настроения обсуждать его решения, поэтому почти все утро я оставался читая и поясняя некоторые части книги для него. Он слушал внимательно и ни разу не прервал меня. Дважды я останавливался на короткое время, пока он ходил за водой и пищей, но, как только он освобождался, то просил меня продолжить чтение. Казалось, это очень его интересовало.

Когда я кончил, он взглянул на меня.

— Я не могу понять, почему эти люди говорят о смерти, как будто она подобна жизни, — сказал он мягко.

— Может быть таким способом они понимали ее. Как ты думаешь, Тибетцы *видят*?

— Вряд ли. Когда человек учится *видеть*, ни одна вещь, которую он знает, не преобладает. Ни одна вещь. Если Тибетцы могут *видеть*, они могли бы сказать сказу же, что ни одна вещь более не та же самая. Как только мы *видим*, ничего не остается известным, ничего не остается таким, каким мы это знали, когда не *видели*.

— Возможно, дон Жуан, *видение* не одинаково для всех.

— Правда. Оно не одинаково. И все же, это не значит, что значения жизни преобладают. Когда кто-то учится *видеть*, ни одна вещь не остается той же.

— Тибетцы очевидно думают, что смерть подобна жизни. Как по твоему мнению, на что похожа смерть? — спросил я.

— Я не думаю, что смерть подобна чему-нибудь, и я полагаю, что Тибетцы говорят о чем-то другом. В любом случае то, о чем они говорят, не есть смерть.

— Как ты полагаешь, о чем они говорят?

— Может быть ты можешь мне это сказать. Ведь ты есть тот, кто читает.

Я попытался сказать что-нибудь иначе, но он начал смеяться.

— Возможно Тибетцы действительно *видят*, — продолжил дон Жуан, — в этом случае они должны осознавать, что то, что они *видят*, не имеет никакого смысла ни с чем, и они написали этот букет чепухи (сар), так как это не имеет никакой разницы для них, в таком случае то, что они написали, не является чепухой вовсе.

— Я вовсе не забочусь о том, что Тибетцам есть сказать, — заметил я, — но мне определенно есть дело до того, что у тебя есть сказать. Я был бы рад услышать, что ты думаешь о смерти.

Он уставился на меня на мгновение и затем хихикнул. Он расширил глаза и вздернул брови в комической гримасе удивления.

— Смерть — это мутовка (whorl), — сказал он. — Смерть — это лицо *эллая*; смерть — это сияющее облако над горизонтом; смерть — это шепот *Мескалито* в твоих ушах; смерть — это беззубый рот *охранника*; смерть — это я говорящий; смерть — это ты и твои писчие принадлежности; смерть — это ничто. Ничто! Она здесь и тем не менее ее здесь нет вовсе.

Дон Жуан рассмеялся в глубоком восторге. Его смех был подобен песне, он имел некоторый танцевальный ритм.

— Я говорю без смысла, а? — сказал дон Жуан. — Я не могу сказать тебе, на что похожа смерть. Но возможно, я могу рассказать тебе о твоей собственной смерти. Нет пути узнать наверняка, подобно чему она будет, однако я могу рассказать тебе на что она могла бы быть похожа.

В этом месте я испугался и поспешил сказать, что только хотел узнать, подобно чему видилась смерть для него. Я подчеркнул, что меня интересовало его мнение о смерти в общем плане, но я не хочу знать подробности о чьей-то персональной смерти, особенно о моей собственной.

— Я не могу говорить о смерти, кроме как в персональном смысле, — сказал он. — Ты хотел, чтобы я рассказал тебе о смерти. Хорошо! Тогда не бойся услышать о твоей личной смерти.

Я возразил, что слишком нервничаю, чтобы беседовать о ней. Я сказал, что хотел говорить о смерти в общих словах, как он сам поступал, когда говорил мне о времени смерти его сына Еуланио, жизни и смерти, смешанных подобно туману кристаллов.

— Я рассказал тебе, что жизнь моего сына распростерлась во время его личной смерти, — сказал он. — Я не говорил о смерти в общем, но о смерти моего сына. Смерть, чем бы она не была, заставила его жизнь распространиться.

Я определенно хотел увести обсуждение из царства частных и упомянул, что читал отчеты людей, бывших мертвыми в течение нескольких минут и оживленных посредством медицинской техники. Во всех случаях люди заверяли, что не могут что-либо вспомнить, что умирание есть просто ощущение затемнения.

— Это совершенно понятно, сказал он. — Смерть имеет две стадии. Первая есть затемнение. Это незначимая стадия, очень похожая на первый эффект *Мескалито*, когда испытываешь легкость, вызывающую чувство счастья, целостности, и что все в мире легко. Но это только неглубокая стадия, она скоро исчезает и тыходишь в новое царство, царство жестокости (harshness) и *науы*. Это вторая стадия есть действительная встреча с *Мескалито*. Смерть очень похожа на это. Первая стадия представляет собой затемнение. Вторая, однако, представляет реальную стадию, где ты встречаешься с смертью, это короткий момент после начального затемнения, когда мы обнаруживаем, что являемся, некоторым образом, опять самими со-

бой. Затем смерть ударяет против нас с тихим бешенством и *пауой*, пока не размолотит наши жизни в ничто.

— Почему ты уверен, что рассказываешь о смерти?

— Я имею свой *эллай*. *Маленькое курево* показало мне безошибочно мою смерть с огромной ясностью.

Слова дон Жуана вызвали у меня глубокое чувство и драматическую противоречивость. У меня было ощущение, что он собирается описать явные банальные детали моей смерти и рассказать, как и когда я умру. Простая мысль узнать об этом повергла меня в отчаяние и в то же время провоцировала мою любознательность. Я мог бы, конечно, попросить его описать его собственную смерть, но я чувствовал, что подобная просьба была бы скорее грубой, и я исключил это автоматически.

Дон Жуан, казалось, наслаждался моим конфликтом. Его тело содрогалось от смеха.

— Хочешь ли ты знать, чему может быть подобна твоя смерть? — спросил он с детским восторгом на лице.

Я обнаружил его озорное удовольствие в терзании меня, более чем удовлетворение. Это было почти за пределами моего понимания.

— О'кей, расскажи мне, — сказал я и мой голос дрогнул.

Он произвел намеренный взрыв хохота. Он держался за живот, катаясь на боку и передразнивая повторяя: О'кей, расскажи мне, — с дрожью в голосе. Затем он выпрямился и сел, напустив притворное спокойствие, и с трепещущим голосом произнес: Вторая стадия твоей смерти очень может быть подобна следующему.

Его глаза изучили меня с очевидным необычайным любопытством. Я рассмеялся. Я ясно осознавал, что его стремление шутить было естественным средством затуманить контуры идеи о чьей-то смерти.

— Ты много ездешь, продолжил он, — поэтому ты можешь найти себя в данный момент опять за рулем. Это будет очень быстрое ощущение, не дающее тебе времени подумать. Внезапно, предположим, ты найдешь себя едущим, как ты делал это тысячу раз. Но прежде, чем ты сможешь удивиться относительно себя, ты заметишь странное формирование перед твоим ветровым стеклом. Если ты взглянешь поближе, то заметишь, что это облачко, выглядящее подобно сияющей мутовке. Оно может напоминать, положим, лицо прямо посреди неба над тобой. Наблюдая за ним, ты увидишь, что оно двигается назад, пока не станет бриллиантовой точкой вдалеке, и затем ты заметишь, что оно начинает двигаться к тебе опять. Оно наберет скорость и в мгновение ока ударится в ветровое стекло автомобиля. Ты селе, и я уверен, что смерти понадобится пару наскоков, чтобы взять тебя.

Но затем ты узнаешь, где ты есть и что случилось с тобой, лицо опять направится в позицию на горизонте, наберет скорость и врежется напротив тебя. Лицо войдет в тебя и затем ты узнаешь — это было все время лицо *эллая*, или это я рассказывающий, или ты пишущий. Смерть была ничто все время. Она есть маленькая точка, потерянная в страницах твоего блокнота. И тем не менее, она войдет внутрь тебя с неконтролируемой силой и

заставит тебя распространиться. Она сделает тебя плоским и вытянутым через небо и землю и сверх этого. И ты будешь подобен туману тоненьких кристаллов, движущихся, движущихся прочь.

Я был очень впечатлен этим описанием моей смерти. Я ожидал услышать что-либо совсем другое. Я не мог ничего сказать продолжительное время.

— Смерть входит через живот, продолжил дон Жуан, — прямо через разлом *воли*. Эта область — наиболее важная и чувствительная часть тела. Эта область *воли* и также область, через которую мы умираем. Я знаю это, так как мой *эллай* ввел меня в это состояние. *Сосер* утончает свою *волю*, позволяя для этого смерти побороть его, и когда он плоский и начинает расширяться, его безупречная *воля* обращается и воссоединяет туман опять в цельную личность.

Дон Жуан сделал странный жест. Он раскрыл руки как два веера, поднял их на уровень локтей, повернул их, пока большие пальцы не коснулись боков и затем сдвинул их медленно в центре тела над пупом. Он держал их мгновение там. Его руки дрожали от напряжения. Затем он поднял их, пока кончики средних пальцев не коснулись лица и затем толкнул их вниз в ту же позицию в центре тела.

Это был значительный жест. Дон Жуан выполнил его с такой силой и грациозностью, что я был очарован.

— Это его *воля* соединяет *сосера* — сказал он, — но старость делает его немощным, когда его *воля* убывает, и неизбежно приходит время, когда он уже неспособен более командовать своей *волей*. У него не остается ничего, чтобы противостоять молчаливой силе своей смерти, и его жизнь становится подобна жизни всех его знакомых людей — расширяющимся туманом, движущимся сверх своих пределов.

* * *

Защита *пауы* запечатывает тебя подобно кокону. *Сталкер* может стоять открыто и ни пума, ни койот или грязный жук не потревожит его. Пещерный лев может подойти нос к носу к сталкеру и обнюхать его и, если *сталкер* не двинется, лев уйдет. Я могу гарантировать тебе это.

Если же *сталкер*, с другой стороны, хочет быть замеченным, то все, что он должен сделать, — это встать на вершину холма во время сумерек, и *пауа* будет донимать его и искать его всю ночь. Тем самым, если *сталкер* хочет путешествовать всю ночь, или если он хочет бодрствовать, он должен сделать себя доступным ветру.

Здесь лежит секрет великих *сталкеров* — быть доступным и недоступным на соответствующем повороте пути.

* * *

Очень просто определить, что средний человек будет делать в ситуации подобной этой. Прежде всего, его страх моментально превратит его в добычу. Как только он превратился в добычу, у него останется два варианта действия. Он или убегает или начинает защищаться. Если он не вооружен, то, как правило, бежит в открытое поле, спасая свою жизнь. Если он вооружен, то может взять ружье на изготовку и затем защищаться или замедлить на месте или упав на землю.

Сталкер, с другой стороны, когда он подкрадывается в дикой местности, никогда не пойдет в любое место без определения своих точек защиты, поэтому он немедленно может укрыться. Он может бросить свое пончо на землю или подвесить его на ветви, как приманку, и затем спрятаться и ждать, пока игра сделает свой следующий ход.

Так в присутствии магического оленя я не вел себя как любой. Я быстро встал на голову и начал тихо выть. У меня действительно текли слезы и я всхлипывал так долго, что почти упал в обморок.

Внезапно я почувствовал легкое дуновение, что-то дуло на мои волосы сзади правого уха. Я постарался повернуть голову, чтобы посмотреть на это, упал, сел и увидел сияющее создание, смотрящее на меня. Олень смотрел на меня, и я сказал, что не причиню ему вреда. И олень разговаривал со мной.

Дон Жуан остановился и взглянул на меня. Я непроизвольно улыбнулся. Мысль о говорящем олене была невероятна, чтобы допустить ее дословно.

— Он говорил со мной, — повторил дон Жуан с усмешкой.

— Олень разговаривал?

— Да.

— Действительно ли он говорил? — спросил я в растерянности.

Дон Жуан разразился смехом.

— Что он сказал? — спросил я полу в шутку.

Дон Жуан немного помолчал, как будто пытаюсь вспомнить, затем его глаза засияли.

— Магический олень сказал: “Хеллоу, друг”, — и я ответил: “Хеллоу”. — Затем он спросил меня: “Почему ты плачешь?” — и я сказал: “Потому что я печален”. — Тогда магическое создание приблизилось к моему уху и сказало так же ясно, как я говорю сейчас: “Не будь печальным”.

Дон Жуан посмотрел мне в глаза с искрой явного озорства и затем начал надрывно хохотать.

Я сказал, что его диалог с оленем имел достаточно бессмысленный характер.

— Чего же ты ожидал? — спросил он, продолжая улыбаться, — я же индеец.

* * *

Ты зовешь их снами потому, что не обладаешь *науой*. *Воин*, будучи человеком, который ищет *науу*, не зовет их снами, он называет их реальностью.

— Ты подразумеваешь, что он принимает свои сны как представляющие реальность?

— Он не принимает что-то за что-то другое. То, что ты зовешь снами является реальностью для *воина*. Ты должен понять, что *воин* — не дурак, он не пьяница, не безумец, и он не имеет времени или возможности бунтовать или лгать себе или делать неверный шаг. Ставки слишком высоки для этого. Ставкой является его упорядоченная жизнь, которую он так долго дер-

жал стянутой и совершенной. Он не собирается отбросить это, приняв что-то за что-то другое.

Дриминг реален для *воина*, так как он может действовать обдуманно, он может выбирать и отвергать, он может отбирать из различных вещей, которые ведут к *пауе*, и затем он может манипулировать ими и использовать их, в то время как в обычном сне он не может действовать обдуманно.

— Считаешь ли ты, дон Жуан, что *дриминг* реален?

— Конечно, он реален.

— Также реален, как то, что мы делаем сейчас?

— Если ты желаешь сравнивать вещи, то я могу сказать, что он возможно более реален. В *дриминге* ты имеешь *пауу*, ты можешь изменять вещи, ты можешь обнаружить множество скрытых фактов, ты можешь управлять всем, чем захочешь.

* * *

Пауа — это опустошительная сила, которая легко может привести к смерти и поэтому с ней надо обращаться с предельной тщательностью. Становление доступным *пауе* должно производиться систематически, но всегда с величайшей осторожностью. Это включает делание своего присутствия очевидным посредством громкого разговора или другой шумной активности, и затем необходимо наблюдать продолжительное и контролируемое молчание и полную тишину. Контролируемая вспышка и контролируемая тишина есть признак *воина*.

* * *

Я собираюсь напомнить тебе все техники, которые ты должен практиковать снова и снова в *дриминге*. Сначала сфокусируй взгляд на своих руках³⁶. Затем сдвинь взор на другие предметы и бросай на них короткие взгляды. Фокусируй глаза на столь многих вещах, сколько сможешь. Помни, что, если ты смотришь на образы моментально, они не сдвигаются. Затем иди обратно к своим рукам.

Каждый раз, когда ты смотришь на свои руки, ты обновляешь *пауу*, необходимую для *дриминга*, поэтому на первом этапе не смотри на слишком много вещей. Четырех всегда вполне достаточно. Позже ты можешь увеличить их число, пока не сможешь покрыть все, что хочешь. Но как только образы начинают сдвигаться, и ты чувствуешь, что теряешь контроль, возвращайся к своим рукам.

Когда ты почувствуешь, что можешь *гейзить*³⁷ на вещи безразлично, ты готов к новой технике. Следующий шаг в установлении *дриминга* — это учиться путешествовать. Тем же способом, как ты учился смотреть на свои руки, ты можешь заставить себя двигаться, идти в разные места. Выбери хорошо знакомую точку, предположим свою школу или парк, затем заставь себя идти туда.

³⁶ можно использовать все, что угодно, однако руки всегда “под рукой”

³⁷ gaze – пристально смотреть

Эта техника очень трудна. Ты должен выполнять две задачи: ты должен заставить идти себя в специальное место, и затем, когда ты овладеешь этим, ты должен учиться управлять точным временем своего путешествия.

* * *

Нет плана, когда идешь охотиться на пауу. Охотиться на пауу и играть в охоту — одно и то же. *Сталкер* охотится на что-либо, что само предстанет перед ним. Поэтому он всегда должен быть в состоянии готовности.

Ты знаешь об ветре, и теперь ты можешь охотиться на *пауу* в ветре самостоятельно. Но есть другие вещи, о которых ты не знаешь и которые подобно ветру являются центром *пауы* в определенное время и в определенных местах.

Пауа — очень специфическое дело. Невозможно пригвоздить ее и сказать, чем она действительно является. Это чувство, которое некто имеет относительно определенных вещей. *Пауа* персональна. Она принадлежит человеку самому одному. Мой *бенефектор*, к примеру, мог делать человека смертельно больным, просто взглянув на него. Тем не менее он не делал людей больными все время, а только когда его личная *пауа* была вовлечена. Он сам не знал, как выбирались люди, которые делались больны. *Пауа* подобна этому. Она командует тобой и, вместе с тем, она подчиняется тебе.

Сталкер пауы заманивает ее в ловушки и затем накапливает ее. Таким образом, личная *пауа* растет и ты можешь найти пример *воина*, который накопил так много личной *пауы*, что стал *человеком знания*.

Как накапливать пауу является другим чувством. Мой *бенефектор* был человеком насильственной природы. Он накапливал пауу через это чувство. Все, что он делал, было сильным и прямым. Он оставил у меня чувство о нечто, проламывающимся сквозь вещи. И все, что случалось с ним, происходило в этой манере. Нет способа объяснить, как *пауа* может накапливаться через чувство. Ты должен сделать это сам.

* * *

— Я знаю, как трудно жить как *воин*. Если бы ты следовал моим инструкциям и выполнял все действия, которым я научил тебя, ты бы сейчас имел достаточно *пауы*, чтобы *видеть* и *остановить мир*.

— Но почему я должен хотеть *пауы*, дон Жуан?

— Ты не можешь думать о причине сейчас. Однако, если ты накопишь достаточно *пауы*, он сама найдет тебе хорошую причину. Звучит сумасбродно, не так ли?

— Почему ты сам хочешь *пауу*, дон Жуан?

— Я подобен тебе. Я не хочу ее. Я не могу найти зачем, причины иметь ее. У меня были все сомнения, что и у тебя, и я никогда не следовал инструкциям, которые мне давались, или, скорее, я никогда не думал, что следую. Вместе с тем, несмотря на мою глупость, я накопил достаточно *пауы*, и однажды моя личная пауа заставила мир коллапсировать.

— Но почему кто-то должен желать *остановить мир*?

— Никто не желает, вот в чем дело. Это просто случается. И как только ты знаешь, чему подобна остановка мира, ты осознаешь причину для этого.

Понимаешь, одним из действий *воина* является коллапсирование мира для специфической цели и затем возвращение его снова, чтобы продолжить жить.

* * *

Это забавно, как ты временами напоминаешь меня. Я тоже не хотел идти путем *воина*. Я полагал, что вся эта работа является ничем, и так как мы все собираемся умирать, что за разница быть *воином*?

Я был не прав. Но я должен был обнаружить это сам. Когда бы ты не осознал, что не прав, это определенно внесет в мир изменение. И тогда ты можешь продолжать сам. И сам ты можешь даже стать *человеком знания*.

Человек знания — это тот, кто следует правдиво тяжелому пути знания. Человек, который должен, не ломаясь и не трепеща, идти так далеко, как может, в раскрытии секретов личной *науы*.

* * *

— Что ты сказал? — спросил я сквозь стучащие зубы.

Дон Жуан положил руку на мой рот и прошептал, что *воин* действует так, как будто он знает, что делает, когда в действительности, он не знает ничего. Он повторил это три или четыре раза.

* * *

— Я полагаю, что ты можешь сказать, что это моя *науа*, хотя в действительности это некорректно. *Пауа* не принадлежит кому-нибудь. Некоторые из нас могут собирать ее, и тогда она может быть передана прямо кому-то еще. Понимаешь, ключ накопления *науы* состоит в том, что она может быть использована только, чтобы помочь кому-то другому накапливать *науу*.

Я спросил его, значит ли это, что его *науа* ограничена только помощью другим. Дон Жуан терпеливо объяснил, что он может использовать свою *науу*, как он захочет, но если дело сводится к передаче ее прямо другому, это бесполезно, пока этот человек не использует ее для своего собственно поиска личной *науы*.

— Все, что человек делает, подвешено на его личной *науе*, — продолжил дон Жуан. — Поэтому для того, кто не обладает ей, действия человека *науы* невероятны. *Пауа* требуется даже для того, чтобы осознать, что есть *науа*.

* * *

— Но как я могу накопить личную *науу*?

— Ты делаешь это, живя тем путем, который я рекомендовал. мало по малу ты затянешь все истечения (потери). Тебе не требуется осознавать это, так как *науа* всегда найдет путь. Возьми меня, к примеру. Я не знал, что накапливаю *науу*, когда впервые начал изучать путь *воина*. Так же как и ты, я думал, что не делаю ничего особенного, но это было не так. *Пауа* имеет особенность быть незаметной, когда она накапливается.

* * *

Я уже говорил тебе, что секрет сильного тела не в том, что ты делаешь для него, а в том, что ты *неделаешь*. Теперь время для тебя *неделать* то, что ты всегда делаешь. Сиди здесь, пока нам не нужно будет уходить и *неделай*.

* * *

— Трюк в том, что кто-то предпочитает, — сказал он. — Мы или делаем себя несчастными или делаем себя сильными. Количество необходимой работы в обоих случаях одно и то же.

* * *

— Я привел тебя сюда, чтобы обучить одной вещи, сказал он и сделал паузу. — Ты собираешься изучить *неделание*. Мы можем поговорить об этом, поскольку для тебя нет другого пути приступить. Я полагал, что ты сможешь прийти к *неделанию*, не говоря ни слова. Но я был не прав.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, дон Жуан?

— Это не имеет значения, сказал он. — Я собираюсь рассказать тебе о чем-то, что очень просто, но очень трудно выполнять. Я собираюсь рассказать тебе о *неделании*, несмотря на то, что не существует пути говорить о нем, так как только тело делает его.

Он бросил на меня несколько взглядов и затем сказал, что я должен с максимальным вниманием выслушать то, что он собирается сказать.

Я закрыл блокнот, но к моему удивлению он настоял, чтобы я продолжал записывать.

— *Неделание* так сложно и так мощно, что ты не должен упоминать его, продолжил он, — до тех пор, пока ты не остановишь мир, только тогда ты можешь свободно говорить о нем.

Дон Жуан осмотрелся и указал на большой камень.

— Этот камень здесь является камнем вследствие *делания*, — сказал он.

Мы взглянули друг на друга и он улыбнулся. Я ждал объяснения, но он продолжал молчать. наконец я вынужден был сказать, что не понимаю, что он имеет в виду.

— Это — *делание*! — воскликнул он.

— Простите?

— Это тоже *делание*.

— О чем ты говоришь, дон Жуан?

— *Делание* — это то, что делает этот камень камнем и эти кусты кустами. *Делание* — это то, что делает тебя тобой.

Я сказал, что его объяснение не объясняет ничего. Он засмеялся и потерял виски.

— Это проблема с разговором, сказал он. — Он всегда вынуждает нас спутывать вопросы. Если кто-то начинает говорить о *делании*, то всегда кончает рассуждениями о чем-то другом. Лучше просто действовать. Возьмем этот камень, к примеру. Смотреть на него есть *делание*, но *видеть* его есть *неделание*.

Я вынужден был признаться, что его слова не имеют смысла для меня.

Нет, они действуют! — воскликнул он. — Но ты заключаешь, что нет, потому что это есть твоё *делание*. Это способ, которым ты воздействуешь на меня и на мир.

Он опять указал на камень.

— Этот камень является камнем вследствие всех вещей, которые ты знаешь как делать по отношению к нему. Я называю это *деланием*. *Человек знания*, к примеру знает, что этот камень является камнем только вследствие *делания*. Поэтому, если он не хочет, чтобы камень был камнем, все, что он должен сделать, это не производить *делания*. Понимаешь, что я имею в виду?

Я совершенно не понимал его. Он засмеялся и предпринял еще одну попытку объяснения.

— Мир является миром, так как ты *знаешь*, что *делание* вовлечено в создание его таким. Если бы ты не *знал* его *делание*, мир был бы другим.

... Он встал и положил камушек на валун и попросил меня подойти ближе и исследовать его. Он сказал мне смотреть на выемки и неровности на камушке и стараться выбирать мельчайшие детали в них. Он сказал, что если я смогу найти детали, выемки и неровности исчезнут и я смогу понять, что значит *неделание*.

... — *Делание* заставляет тебя отделить камушек от большого камня, — продолжил он. — Если ты хочешь изучить *неделание*, будем говорить, что ты должен соединить их.

Он указал на небольшую тень, которую камушек отбрасывал на валун и сказал, что это не тень, а клей, связывающий их вместе.

... — С тех пор, как ты изучаешь *неделание*, я должен рассказать тебе, что не имеет значение, правда ли все это или нет. Именно здесь *воин* имеет точку превосходства над обычным человеком. Средний человек обращается с вещами определенным образом в зависимости от того, когда он знает, что они есть правда, и другим образом с вещами, которые он знает есть неправда. С вещами, о которых говорят, что они есть правда он действует и верит в то, что делает. Но если о вещах говорят, что они есть неправда, он не думает действовать или же не верит в то, что делает. С другой стороны воин действует в обоих случаях. Если о вещах говорят, что они есть правда, он действует, чтобы производить *делание*. Если о вещах говорится, что они неправда, он тоже действует, чтобы выполнить *неделание*. Понимаешь, что я имею в виду?

... — Я уже знаю, ты полагаешь, что ты негодный, сказал он, Это — твоё *делание*. Теперь, чтобы воздействовать на это *делание*, я рекомендую тебе изучить другое *делание*. Начиная с сегодня и в течение восьми дней я хочу, чтобы ты лгал себе. Вместо того, чтобы говорить себе правду, что ты жалкий и слабый и неподходящий, ты должен говорить себе, что ты полная противоположность, зная, что ты лжешь и что ты абсолютно безнадежен.

— Но какой смысл в подобной лжи, дон Жуан?

— Ты можешь подцепить себя к другому *деланию*, и затем ты можешь осознать, что оба *делания* лживы, нереальны, и подвесить себя к любому

из них есть пустая трата времени. Так единственная вещь, которая реальна, это — существо в тебе, которое собирается умереть. Прибыть к этому существу является *неделанием* своего я.

... — Все это очень просто, — заметил он. — Они всего лишь маски. Все, что мы делаем, как я уже говорил тебе, есть предмет *делания*. *Человек знания* может подцепить себя к *деланию* любого человека и давать ростки таинственным вещам. Но они не сверхъестественные, не реальные. Они таинственны только для тех, кто захвачен деланием.

Скажем, что каждый из нас, когда рождается, приносит с собой маленький круг *пауы*. Этот маленький круг почти немедленно начинает использоваться. Поэтому каждый из нас уже подвешен с рождения и наши круги *пауы* соединяются со всеми другими. Иными словами, наши круги *пауы* подвешены к *деланию* мира, чтобы создавать мир.

К примеру, наши круги *пауы*, твой и мой, подвешены сейчас к *деланию* в этой комнате. Мы создаем эту комнату. Наши круги *пауы* закручивают эту комнату в бытие в этот самый момент.

— Подожди, подожди, — сказал я, — эта комната здесь сама по себе, я не создаю ее. Я ничего не могу с ней сделать.

Дон Жуан очень спокойно объяснил, что комната, где мы находимся, перенесена в бытие и держится на месте вследствие силы круга *пауы* любого человека.

— Понимаешь, продолжил он, — каждый из нас знает *делание* комнаты, так как тем или иным образом мы проводим большую часть нашей жизни в комнатах. *Человек знания*, с другой стороны, развивает другой круг *пауы*. Я назвал его кругом *неделания*, так как он подвешен к *неделанию*. С этим кругом тем самым ты можешь закрутить другой мир.

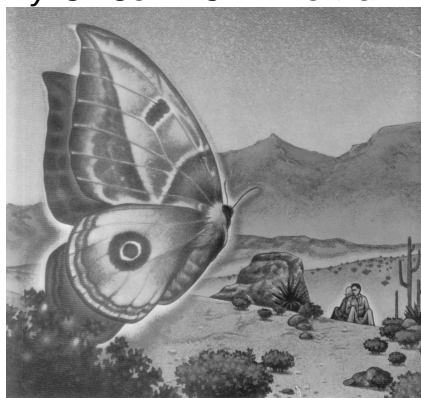
Твоя трудность состоит в том, что ты все еще не развил свой экстракруг *пауы* и твое тело не знает *неделания*.

... — Возможно, если бы я смог выпутаться из своих обязательств, я бы мог путешествовать по твоему миру намного лучше, — сказал я. — Или если бы я мог уйти в пустыню с тобой и жить там. Сейчас же фактически я стою ногами в двух мирах, что делает меня бесполезным в обоих.

Он долго смотрел на меня.

— Это твой мир, — сказал он, указывая на заполненную спешкой улицу за окном. — Ты человек этого мира. И в этом мире твои охотничьи угодья. Нет пути избежать *делания* нашего мира, поэтому то, что *воин* совершает, это превращает свой мир в охотничью землю. Как *сталкер воин* знает, что мир создан, чтобы быть использован. Поэтому он использует каждый кусочек из него. Воин подобен пирату, не испытывающему приступов тошноты (малодушия), беря и используя все, что он хочет, за исключением того, что *воин* не задумывается или не испытывает инсульта, когда использует и берет себя.

Путешествие в Икстлан

— Теперь Генаро может рассказать тебе о первом столкновении со своим *эллаем*, настаивал дон Жуан.

— Возможно, сказал дон Генаро, не выражая интереса.

— Я просил его рассказать об этом.

Дон Генаро встал, вытянул свои руки и расправил спину. Его кости издали хрустящий звук. Затем он сел опять.

— Я был молодым человеком, когда впервые столкнулся со своим *эллаем*, — наконец сказал он. — Помню, это случилось вечером. Я был в поле и воз-

вращался домой. Внезапно из-за кустов вышел *эллай* и преградил мне путь. Он ждал меня и приглашал схватиться с ним. Я начал обходить его сбоку, чтобы отделаться от него, но мне на ум пришла мысль, что я достаточно силен, чтобы захватить его. Вместе с тем я был испуган, дрожь пробежала по моей спине и мой затылок стал напряжен. Это всегда является знаком, что человек готов, когда твоя шея становится тяжелой.

Он приоткрыл ворот рубашки и показал спину. Он напряг мускулы шеи, спины и рук. Я обратил внимание на сильное развитие его мускулатуры. Как будто память об встрече активизировала каждый мускул его торса.

— В такой ситуации, — продолжил он, — ты всегда закрывай свой рот.

Он повернулся к дон Жуану и спросил, — Не так ли?

— Да, — ответил дон Жуан спокойно, — толчок, который получаешь, схватывая *эллая*, настолько велик, что можно прикусить язык или выбить зубы. Тело должно быть прямым с хорошей опорой и ноги должны быть влиты в землю.

Дон Жуан встал и показал мне правильную позицию. Его тело было слегка вогнуто в коленях, руки приподняты по бокам со слегка согнутыми пальцами. Он казался расслабленным и, вместе с тем, твердым, стоящим на земле. Мгновение он оставался в этом положении. Затем я подумал, что он собирает сесть, но внезапно он бросился вперед в громаднейшем прыжке, как будто на резиновых тяжах. Его движение было столь внезапным, что я упал на спину, но пока я падал, у меня возникло ясное впечатление, что дон Жуан схватил человека, или нечто в форме человека.

Я снова сел. Дон Генаро все еще стоял, сохраняя громаднейшее напряжение тела, затем, расслабившись, отступил назад и сел, где раньше.

— Карлитос только что *видел* твоего *эллая*, отметил дон Жуан, но он все еще слаб и упал вниз.

— Правда? — спросил дон Генаро в натуральном тоне и раздул ноздри.

Дон Жуан уверил его, что я *видел*. Дон Генаро взмыл вперед снова с такой силой, что я повалился на бок. Он выполнил свой прыжок так быстро, что

я действительно не мог сказать, как он вскочил на ноги из сидячего положения, чтобы бросится вперед.

Оба они громко засмеялись, и затем дон Генаро изменил свой смех в вой, неразличимый от воя койота.

— Не думай, что ты должен прыгать так же хорошо как Генаро, чтобы схватить своего *эллая*, сказал дон Жуан в нравоучительном тоне, — Генаро прыгает так хорошо, потому что ему помогает его *эллай*. Все, что ты должен сделать, это твердо стоять на земле, чтобы выдержать удар. Ты должен стоять как Генаро перед прыжком, затем ты должен взлететь вперед и схватить *эллая*.

— Сначала он должен поцеловать свой медальон, — перебил дон Генаро.

Дон Жуан в извиняющемся тоне сказал, что у меня нет медальона.

— А как же его блокнот? — настаивал дон Генаро. — Он обязан что-нибудь сделать со своими блокнотами — положить их на землю перед тем, как прыгнуть, или может быть он использует свои блокноты, чтобы сбить *эллая*?

— Будь я проклят! — сказал дон Жуан в полном изумлении. — Я бы никогда не подумал об этом. Клянусь, это произойдет впервые, что *эллай* будет сбит на землю посредством блокнота.

Хохот дон Жуана и вой дон Генаро слились воедино, приведя всех нас в прекрасное настроение.

— Что случилось, когда ты схватил своего *эллая*, дон Генаро? — спросил я.

— Это был сильнейший толчок, — сказал дон Генаро после мгновенного колебания.

— Никогда я не мог представить себе, что он будет таким, — продолжил он. — Это было что-то, что-то, что-то... не похожее ни на что, о чем я мог бы рассказать. После того, как я схватил его, мы начали крутиться. Он хотел завертеть меня, но я не позволил. Мы крутились в воздухе с такой скоростью и силой, что я ничего не видел. все было туманным. Кружение продолжалось, продолжалось и продолжалось. Внезапно я почувствовал, что стою опять на земле. Я осмотрел себя. *Эллай* не убил меня. Я был одним куском. Я был самим собой! наконец-то я имею *эллая*. Я знал, что добился успеха. Что за чувство! Что за чувство это было!

Затем я оглянулся, чтобы определить, где нахожусь. Окружающее не было знакомо мне. Я подумал, что *эллай* должно быть пронес меня по воздуху и опустил где-то далеко от того места, где мы начали кружиться. Я сориентировал себя и подумал, что мой дом должен лежать по направлению к востоку, поэтому я начал идти в этом направлении. Было все еще рано. Столкновение с *эллаем* не продолжалось долго. Очень скоро я нашел дорогу и тут увидел цепочку мужчин и женщин, идущих навстречу. Они были индейцами. Я думаю, они были мазетскими индейцами. Они окружили меня и спросили, куда я иду. “Я иди домой в Икстлан”, — ответил я. “Ты заблудился”, — спросил кто-то. “да” — ответил я. “Но Икстлан в другом направлении. Мы сами идем туда”, — сказал кто-то другой. “Идем вместе”, — начали говорить все, — “У нас есть еда!”

Дон Генаро остановился и взглянул на меня, как бы ожидая вопроса.

— Хорошо, что же случилось, — спросил я, — присоединился ли ты к ним?

— Нет, — ответил он, — так как они были нереальны. Я знал это сразу, в ту же минуту, когда они подошли ко мне. Было что-то в их голосах, в их дружелюбии, особенно когда они предложили присоединиться к ним. Поэтому я побежал прочь. Они звали меня и просили вернуться. Их призывы стали частыми, но я продолжал бежать прочь.

— Кто они были? — спросил я.

— Люди, — резко ответил дон Генаро, — за исключением того, что они не были реальными.

— Они были подобны призракам, — пояснил дон Жуан, — подобно фантомам.

— Немного пройдя еще, продолжил дон Генаро, — я стал более уверенным. Я знал, что Икстлан находится в том направлении, куда я иду. И затем я увидел двух людей, спускавшихся по дороге ко мне. ни также казались мазетскими индейцами. Они несли связки хвороста. Они прошли мимо, промолвив: “Добрый день”.

“Добрый день”, — сказал я, продолжая идти. Они не обратили ни малейшего внимания на меня и шли своей дорогой. Казалось, что они были реальными. Я побежал за ними, крича: “Подождите, подождите!”

“Я потерялся в горах”, — сказал я им. “Как пройти в Икстлан?” Они указали в том направлении, куда шли сами. “Это очень далеко”, — сказал один из них. “Это на другой стороне этих гор. Тебе потребуются четыре или пять дней, чтобы добраться туда.” Они повернулись и пошли дальше. Я почувствовал, что они реальные индейцы, и я просил позволить присоединиться к ним.

Мы прошли некоторое время вместе и затем один из них достал мешок с пищей и предложил мне подкрепиться. Я застыл на месте. Было что-то ужасно странное в манере, в которой он предложил мне пищу. Мое тело ощутило испуг, я отпрыгнул назад и бросился прочь. Оба они кричали, что я умру в горах, если не пойду с ними и убеждали меня остаться. Их просьбы так настойчиво повторяемы, но я бежал от них изо всех моих сил.

Я продолжал идти. Я знал, что нахожусь на правильном пути в Икстлан, и что эти фантомы пытаются увести меня с моего пути.

Я встретил еще восемь их. Они, должно быть, знали, что мое решение непоколебимо. Они останавливались на дороге и глядели на меня с умоляющим выражением глаз. Большинство из них не говорили ни слова. Однако женщина среди них была более решительна и умоляла меня. Некоторые из них даже разложили пищу и другие товары, которые они предлагали купить, подобно невыносимым торговцам на обочине дороги. Я не остановился и не взглянул на них.

Ранним вечером я пришел в долину, которую, казалось, узнавал. Она была как-то знакома мне. Я подумал, что был здесь ранее, но если это было так, то я был действительно на юге от Икстлана. Я начал искать ориентиры, чтобы правильно выбрать направление, когда заметил маленького индейско-

го мальчика, пасущего коз. Ему было, вероятно, лет семь, и он был одет как и я в его годы. Фактически он напоминал меня, пасущего коз своего отца.

Некоторое время я наблюдал за ним. Мальчик разговаривал сам с собой, как и я бывало, затем он разговаривал с козами. Насколько я разбираюсь в выпасе коз, он справлялся с этим хорошо. Он был заботливым и внимательным. Он не баловал коз, но и не был жесток с ними.

Я решил позвать его. Когда я заговорил с ним громким голосом, он подпрыгнул, побежал прочь и спрятался от меня за камнем. Казалось, он бежал, спасая свою жизнь. Он понравился мне. Он казался испуганным, но, тем не менее, нашел время, чтобы укрыть коз от меня.

Я долго говорил ему, что потерялся и не знаю куда идти в Икстлан. Я спросил название местности, где находился, и он ответил то название, которое я предполагал. Это сделало меня очень счастливым. Я понял, что более не заблудился и размышлял над *пауой*, которой обладал мой *эллай*, чтобы перенести мое тело так далеко в такое короткое время, не длительнее моргания глаз.

Я поблагодарил мальчика и пошел дальше. Он небрежно вышел из своего укрытия и направил своих коз по почти неприметной тропинке, которая, казалось, вела вниз в долину. Я окрикнул мальчика и он не убежал. Я пошел к нему, но он прыгнул в кусты, когда я подошел слишком близко. Я сказал, что он чрезчур осторожен, и начал задавать ему вопросы.

“Куда ведет эта дорога?” — спросил я. “Вниз” — ответил он. “Где ты живешь?” — “Внизу”. “Много ли домов там?” — “Нет, только один”. “Где другие дома?” — мальчик указал на другую сторону долины с безразличием, свойственным подростку его лет. Затем он пошел вниз со своими козами.

“Подожди.” — сказал я ему. — “Я очень устал и голоден. Приведи меня к своему племени”.

“У меня нет племени.” — сказал маленький мальчик и это ударило меня. Не знаю почему, но его голос заставил меня заколебаться. Мальчик заметил мои колебания, остановился и повернулся ко мне. “Никого нет в моем доме.” — сказал он. — “Мой дядя ушел и его жена пошла на поля. Там много еды. Много. Пойдем со мной”.

Я сразу же ощутил горечь. Мальчик также был фантомом. Тон его голоса и его нетерпение выдали его. Фантомы были здесь, чтобы взять меня, но я не боялся. Мне хотелось рассердиться на *эллая* или на фантомов, но как-то я не мог быть яростен, как это было обычно, поэтому я прекратил пытаться. Затем мне захотелось быть печальным, так как мне нравился маленький мальчик, но я не смог этого сделать, поэтому также прекратил попытки.

Внезапно я осознал, что у меня есть *эллай*, поэтому фантомы ничего не могут мне сделать. Я последовал за мальчиком вниз по тропинке. Другие фантомы резко наклонялись, пытаясь вынудить меня оступиться, попасть ногой в расщелину, но моя воля была сильнее их. Они, должно быть, почувствовали это и перестали докучать мне. Иногда они просто вставали на моем пути, иногда они прыгали ко мне, но я останавливал их своей волей. А затем они вовсе оставили меня.

Дон Генаро замолчал на долгое время. Дон Жуан взглянул на меняю

— Что же случилось после этого, дон Генаро? — спросил я.

— Я продолжал идти, сказал он. Казалось, он закончил рассказ и ему нечего было добавить.

Я спросил, почему факт предложения ему пищи был намеком, что это — фантомы.

Он не ответил. Я пошел дальше и спросил, не является ли обычаем у мазетских индейцев отрицать, что у них есть пища или быть озабоченным проблемой питания.

Он сказал, что тон их голосов, их нетерпение соблазнить его и манера, в которой фантомы говорили о пище были намеком — и он знал это, так как *эллай* помогал ему. Он заявил, что сам бы никогда не заметил таких частностей.

Являются ли эти фантомы *эллаями*, дон Генаро? — спросил я.

— Нет. Они были людьми.

— Людьми? Но ты сказал, что они были фантомами.

— Я сказал, что они не были больше реальными. После моей встречи с *эллаем* ничто не осталось реальным более.

Мы помолчали долго.

— Каково финальное завершение этого испытания, дон Генаро? — спросил я.

— Финальное завершение?

— Я хочу сказать, как ты наконец достиг Икстлана?

Оба они одновременно взорвались смехом.

— Так это финальное завершение для тебя? — спросил дон Жуан, — тогда продолжим. Нет финального завершения путешествия Генаро. Никогда не будет никакого финального завершения. Генаро все еще на своем пути в Икстлан!

Дон Генаро взглянул на меня пронизывающим взглядом и затем повернул голову и устремил глаза вдаль в направлении юга.

— Я никогда не достигну Икстлана, — сказал он. Его голос был тверд, но тих, почти шепот.

— Тем не менее, в своих чувствах... в своих чувствах, временами мне кажется, что остался всего один шаг, чтобы достигнуть его. И все же я никогда не достигну. В моем путешествии я даже не нашел знакомых ориентиров, которые я знал. Ничто не было более тем же самым.

Дон Жуан и дон Генаро взглянули друг на друга. Было что-то печальное в их взглядах.

Я посмотрел на дон Жуана. Я не понял, что имеет в виду дон Генаро.

— Все, кого Генаро встречал на своем пути в Икстлан, были только эфемерные существа, — пояснил дон Жуан. — Возьмем тебя, к примеру. Ты — фантом. Твои чувства и твоё нетерпение такие же, как у людей. Вот по-

чему он говорит, что встречает только фантомов—путников на его пути в Икстлан.

Внезапно я осознал, что путешествие дона Генаро всего лишь метафора.

— Твое путешествие тогда не реально, — спросил я.

— Оно реально! — запротестовал дон Генаро, — путники не реальны.

Он указал кивком головы на дон Жуана и многозначительно сказал, — Это единственный, кто реален. Мир реален только когда я с этим единственным.

Дон Жуан улыбнулся.

— Генаро рассказал эту историю для тебя, — сказал он, — потому что вчера ты *остановил мир*, и он полагает, что ты почти *видел*, но ты настолько глуп, что не знаешь это сам. Я продолжаю говорить ему, что ты странный, но рано или поздно ты будешь *видеть*. Тем не менее, в твою следующую встречу с *эллаем*, ты должен будешь завертеться с ним и укротить его. Если ты переживешь этот шок, в чем я уверен, поскольку ты силен и живешь как воин, то ты найдешь себя живым в незнакомой стране. Затем, как это обычно для всех нас, первое, что ты захочешь делать, это начать свой обратный путь в Лос—Анжелес. То, что ты оставишь там, будет потеряно навсегда. Затем, конечно, ты будешь *сосером*, но это не поможет. В такое время, как это, существенным для всех нас является факт, что все, что мы любим или ненавидим или желаем, будет оставлено позади. Тем не менее, чувства в человеке не умирают и не изменяются. Так и *сосер* начинается на пути обратно домой, зная, что нет такой силы на земле, даже силы его смерти, которая бы доставила его к месту, к вещам, к людям, которых он любит. Вот что Генаро рассказал тебе.

Объяснение дон Жуана было подобно катализатору, все действие истории дон Генаро внезапно ударило меня, когда я начал связывать его рассказ со своей жизнью.

— А как насчет людей, которых я люблю, — спросил я дон Жуана, — что случится с ними?

— Они будут оставлены позади, — ответил он.

— Но неужели нет способа вернуть их? Могу ли я спасти их, взять с собой?

— Нет. твой *эллай* закрутит тебя, одного, в неизвестные миры.

— Но я могу пойти обратно в Лос Анжелес, не так ли? Я смогу сесть на автобус или самолет и добраться туда Лос Анжелес будет стоять на месте, не так ли?

— Конечно, — сказал дон Жуан, смеясь. — И так же будут стоять Мантека, и Темекула, и Туксон.

— И Текате, — добавил дон Генаро с предельной серьезностью.

— И Пиедрас Неграс и Тганквуйтас, сказал дон Жуан, улыбаясь.

Дон Генаро добавлял еще названия и то же делал дон Жуан, они погрузились в перечисление серии чрезвычайно веселых и невероятных названий городов и городишек.

Он напомнил мне, что однажды я читал ему поэму и попросил повторить ее. Он привел несколько строк из нее, и я вспомнил, как читал ему стихи Жуана Рамона Джимилнеза. Один отрывок из них, который он имел в виду, назывался “Определенное путешествие”. Я прочитал его:

*... и я непременно уйду. Но птицы останутся и будут петь,
и мой сад останется, со своими зелеными деревьями,
со своим родниковым прудом.*

*Много полдней небеса будут голубыми и тихими,
и колокола на колокольне будут звонить
точно так, как они звонили в этот самый полдень.*

*Люди, что любили меня, пройдут,
и город будет расцветать снова каждый год.
Но моя душа будет всегда странствовать в ностальгии,
в самом затерянном углу моего цветущего сада.*

*... and I will leave. But the birds will stay, singing:
and my garden will stay, with its green tree,
with its water well.*

*. Many afternoon the skies will be blue and placid,
and the bells in the belfry will chime,
as they are chiming this very afternoon.*

*The people who have loved me will pass away,
and the town will burst away every year.*

*But my spirit will always wonder nostalgic
in the same recondite coner of my flowery garden.*

Это — чувства, о которых рассказывал Генаро, — продолжил дон Жуан. — Чтобы быть *soseros*, человек должен быть страстным. Страстный человек имеет земные привязанности и вещи, дорогие ему — если ничего другого, то просто дорогу, где он идет.

То, что Генаро рассказал тебе, отражает именно это. Генаро оставил свои привязанности в Икстлане: свой дом, свой народ, все вещи, о которых он заботился. И он теперь бродит вокруг в своих чувствах, и иногда, как он говорит, он почти достигает Икстлана. Все из нас имеют это в привычке. Для Генаро это Икстлан, для тебя это будет Лос Анжелес, для меня ...

Я не хотел, чтобы дон Жуан рассказывал о себе. Он помедлил, как будто читая мои мысли.

Генаро запел, перефразируя первую строфу поэмы, — *Я ушел. И птицы остались, продолжая петь.*

Мгновение я чувствовал волну агонии и неопишуемого одиночества, охватившую на троих. Я взглянул на дон Генаро и сказал, что будучи страстным человеком, он должен был иметь столько сердечных привязанностей, столько много вещей, о которых он заботился и которые оставил позади. У меня было ясное ощущение, что в этот момент сила его воспоминаний была готова вылиться в мир и что дон Генаро готов был заплакать.

Я взглянул на дон Жуана. Он пристально смотрел на меня.

— Только будучи воином можно выжить на пути знания, — сказал он, — потому что искусство воина состоит в балансе ужаса бытия человеком и чуда бытия человеком.

Я поглядел на их обоих, каждого в отдельности. Их глаза были чисты и спокойны. Они порождали волну потрясающей ностальгии, и когда, казалось, они были на грани того, чтобы разрыдаться, они забрали обратно эту приливную волну. На мгновение я подумал, что *вижу*. Я видел одиночество человека как гигантскую волну, замерзшую передо мной.

Моя печаль была так потрясающа, что я чувствовал эйфорию. Я обнял их. Дон Генаро улыбнулся и встал. Дон Жуан также встал, мягко положив руку на мое плечо. Он указал на темную долину в отдалении.

— Мы собираемся оставить тебя здесь, — сказал он. — Делай то, что считаешь правильным. *Эллай* будет ждать тебя на краю этого плато. Если ты хочешь выжить, то должен быть кристально чистым и смертельно уверенным в себе.

2. Сказания о Силе

цитируется по:

Carlos Castaneda. *Tales of Power*. — Penguin books, 1979.

Part Three: Sorserers' Explanation

Глава 2. Стратегия сосеров.

Дон Жуан был в доме дона Генаро, когда я добрался туда поздним утром. Я приветствовал его.

— Эй, что случилось с тобой? Генаро и я прождали тебя всю ночь, — сказал он.

Я знал, что он шутит и чувствовал себя легко и счастливо. Я систематически отказывался останавливаться на чем-либо, чему был очевидцем прошлым днем. В этот же момент, однако, моя любознательность была неконтролируемой, и я спросил его об этом.

— О, это была просто демонстрация всех вещей, которые ты должен был знать перед тем, как достигнешь *сорсер-объяснения* — сказал он. — То, что ты делал вчера вечером, заставило Генаро почувствовать, что ты накопил достаточно *пауы*, чтобы дойти до действительных вещей. Ты, очевидно, следовал его внушениям. Вчера ты позволил *крыльям* своего *восприятия* раскрыться. Ты был скованным, но все же воспринял все,

идущее из *негуала*, другими словами ты *видел*. Ты также утвердил нечто, что в данное время даже более значимо, чем *видение*, и этим является факт, что ты можешь теперь расположить свое неволнуемое внимание на

негуале. И именно это будет решать исход последнего испытания, *сосер-объяснения*. Паблито и ты войдете в него в одно и то же время. Это дар *пауы* — быть в компании с таким прекрасным *воином*.

Казалось, это все, что он хотел сказать. Спустя некоторое время я спросил его о доне Генаро.

— Он недалеко, — ответил он. — Он пошел в кустарник, чтобы заставить горы содрогнуться.

Я услышал в это мгновение дальнейшее гроыхание, подобное отдаленному грому.

Дон Жуан взглянул на меня и рассмеялся. Он усадил меня и спросил, ел ли. Я ответил, что ел, и он передал мне мой блокнот и повел на *место предрасположенности* дона Генаро — большой камень на западной стороне дома, возвышающийся над глубоким ущельем.

Теперь мне нужно все твое внимание, — сказал дон Жуан. — Внимание в том смысле, каком его понимают *сосеры*: истинная пауза, чтобы позволить *сосер-объяснению* полностью пропитать тебя. Мы в конце нашей задачи, все необходимые инструкции уже переданы тебе, и теперь ты должен остановиться, оглянуться назад и просмотреть свои шаги. *Сосеры* говорят, что это единственный путь консолидировать то, что получено. Я определенно предпочел бы сказать все это на твоём месте *пауы*, но дон Генаро твой *бенефектор* и его место может быть предрасположено к тебе в таком случае как этот.

То, на что он ссылался как мое место *пауы*, была вершина холма в пустыне северной Мексики, которое он показал мне несколько лет назад и "передел" мне как мое собственное.

— Должен ли только слушать без конспектирования, — спросил я.

— Это, действительно, трюковой маневр, — сказал он. — С одной стороны, мне нужно все твое внимание, а с другой — ты должен быть спокоен и уверен в себе. Единственный твой путь для этого — это быть не в напряжении, делая записи, так как сейчас время собрать всю свою личную *пауу* и выполнить невозможную задачу: быть самим собой и не быть самим собой. Он шлепнул себя по бедрам и улыбнулся. — Я всегда говорил тебе, что заботился о твоём *тонале*, а дон Генаро заботился о твоём *негуале*, — продолжал он. Мой долг помочь тебе во всем, касающемся твоего *тонала*, и все, что я делал с тобой, делалось для завершения одной единственной задачи, задачи очищения и реорганизации твоего острова *тонала*. Это моя работа как учителя. Задача дона Генаро как *бенефектора* — дать тебе неоспоримую демонстрацию *негуала*, показать как дойти к нему.

— Что ты имеешь в виду под очищением и реорганизацией *тонала*? — спросил я.

— Я имею в виду полное изменение, о чем я говорил тебе с первого дня нашей встречи, — сказал он. — Я говорил тебе несчетное число раз, что это наиболее решительное изменение, требуемое, если хочешь преуспеть на пути знания, и это изменение состоит не в изменении настроения, склонностей или взглядов, а это изменение предполагает трансформацию всего острова *тонала*. Ты завершил выполнение этой задачи.

— Думаешь ли ты, что я изменился? — спросил я.

Он помедлил и громко рассмеялся. — Ты такой же идиот как всегда, — сказал он. — И все же ты не тот же самый. Понимаешь, что я имею в виду? — он кивнул на мой конспект и сказал, что жаль нет дона Генаро, который бы наслаждался абсурдностью записывать *сосер-объяснение*.

— В этой точке учитель обычно говорит своему последователю, что они пришли к заключительному перекрестку, — продолжал он. — Сказать такую вещь, однако, ошибочно. По моему мнению нет ни конечного перекрестка, ни конечного шага к чему-либо, и так как нет финального шага ко всему, не может быть секрета о любой части нашей судьбы как *светящихся существ*. Личная *пауа* решает, кто может, а кто не может быть способным к открытиям. Мой опыт со знакомыми людьми убедил меня, что очень мало из них желают слушать, и из тех, кто желает слушать, еще меньше желают действовать по тому, что они услышали, и еще меньше тех, кто имеет достаточно личной *пауы*, чтобы извлекать пользу из своих действий³⁸. Поэтому вопрос секретности в *сосер-объяснении* сводится к рутинной процедуре, возможно такой же простой как и любая другая процедура.

В любом случае ты знаешь теперь о *тонале* и *негуале*, составляющих ядро *сосер-объяснения*. Знание о них выгладит вполне безвредным. Мы сидим здесь, разговаривая о них, как будто они представляют обычную тему для разговора. Ты спокойно записываешь, как делал это все годы. Панорама вокруг нас — картина спокойствия. Солнце перевалило за полдень, погода прекрасна, горы вокруг составляют защитный кокон для нас. Не нужно быть *сосером*, чтобы ощутить, что это место, зовущееся местом *пауы* дона Генаро и *безупречным*, наиболее соответствующее основание для открывания двери. И это я делаю сегодня — открываю дверь для тебя.

— Но прежде, чем мы двинемся выше этой точки, требуется строгое предупреждение, учитель предполагает говорить земными словами и предупредить своего последователя, что безвредность и простота этого момента — мираж, здесь бездонная пропасть перед тобой, и если однажды дверь открыта, нет пути закрыть ее обратно.

Он сделал паузу. Я чувствовал себя легко и счастливо. С места предрасположенности дона Генаро я обозревал захватывающую дух картину. Дон Жуан был прав — день и вид были более чем прекрасными. Я хотел беспокоиться о предостережении, но как-то прозрачность вокруг защитила все мои попытки, и я нашел себя надеющимся, что возможно он говорил только о метафорической угрозе.

Дон Жуан внезапно начал говорить снова. — Годы тяжелой тренировки — всего лишь приготовление для опустошающей встречи с ... — Он посмотрел на меня прищуренными глазами, сделав паузу, и хихикнул — ... с тем, что лежит вне этого, выше этой точки.

Я попросил объяснить его зловещее утверждение.

³⁸Среди тысячи людей едва одинъ стремится къ совершенству; среди успешно стремящихся едва одинъ знает Меня въ сущности Моей [Бхагавадъ Гита, VII, 3, прим.сост.]

— *Сосер-объяснение*, которое вообще не кажется объяснением, — летально, — сказал он. — Оно кажется безвредным и очаровательным, но как скоро *воин* открыл себя для него, оно доставляет удар, который никто не в силах парировать. — Он разразился громким смехом. — Итак, будь готов к худшему, но не спеши и не паникуй, — продолжал он. — У тебя нет времени, и все же ты окружен вечностью. Это парадокс для твоего рассудка.

Дон Жуан встал. Он вымел камушки из ровной чашеподобной выемки, комфортабельно уселся там, упершись спиной в камень и лицом на север. Он указал для меня другое место, где я мог бы удобно расположиться, слева от него, тоже в сторону севера. Камень был теплым и создавал чувство покоя, безмятежности и защиты. Был тихий вечер, слабый ветерок нежно переносил тепло полуденного солнца. Я снял шляпу, но дон Жуан настоял, чтобы я снова надел ее.

— Ты теперь смотришь в направлении твоего собственного места *пауы*. — сказал он. — Это поддержка, которая может защитить тебя. Сегодня тебе нужны все поддержки, которые ты можешь использовать. Твоя шляпа может бить одной из них.

— Почему ты меня предостерегаешь дон Жуан? Что действительно может случиться — спросил я.

— То, что случиться здесь сегодня, зависит от того, имеешь ли ты или нет достаточно личной *пауы*, чтобы сфокусировать свое несмещаемое внимание на крыльях своего восприятия, — сказал он.

Его глаза блеснули. Он казался более возбужденным, чем я когда-либо его видел. Я подумал, что есть нечто необычное в его голосе, возможно непри- нужденная нервозность.

Он сказал, что случай требует, чтобы прямо здесь на месте предрасположенности моего *бенефектора*, он воспроизвел для меня каждый шаг, принятый в его борьбе помочь мне очистить и переделать мой остров *тонала*. Его воспоминание событий было детальным и заняло около пяти часов. В чрезвычайно ясной манере он дал мне подробный отчет того, что делал для меня с момента нашей встречи. Это было словно прорыв плотины. Его откровение застигло меня полностью беззащитным. Я приучил себя быть агрессивным расследователем, поэтому в случае дон Жуана, который всегда был сопротивляющимся партнером, прояснение пунктов его учения в такой академической манере было таким же поразительным как его облачение в западный костюм в Мехико. Его владение языком, драматические связки, подбор слов были столь свехординарны, что не я находил способа объяснить это рационально.

Он сказал, что в этом пункте учитель должен говорить индивидуально с *воином* в исключительных терминах; что его способ рассказа и ясность объяснений — это часть последнего трюка и что только к концу все, что он делал, приобретет смысл для меня. Он говорил без остановки, пока не закончил представление воспоминаний. И я записал все, что он сказал без малейших сознательных усилий с моей стороны.

— Начнем с того, что учитель никогда не ищет учеников и никто не может ходатайствовать об учителе, — сказал он. — *Воин*, который может стать учителем должен быть бдителен, чтобы схватишь свои кубический санти-

метр шанса. Я *провидел* тебя как раз перед моментом нашей встречи. Ты имел хороший *тонал* как девушка, которую мы встретили в Мехико. После того, как *провидел* тебя, я ждал очень долго подобно тому, как мы поступили той ночью в парке с девушкой. Она прошла без малейшего внимания на нас. Но ты был направлен ко мне человеком, убежавшим, как только он пробормотал пустословие, и ты был оставлен лицом к лицу со мной также бормоча несурзанности. Я знал, что должен действовать быстро, чтобы захватить тебя. Я знал, что ты сам должен был действовать подобным образом, чтобы та девушка заговорила с тобой. То, что я сделал — это схватил тебя своим *вилл*.

Здесь дон Жуан ссылался на экстраординарный способ, которым он взглянул на меня в день нашей встречи. Он зафиксировал свой взгляд на мне, и у меня было невыразимое чувство онемения. Я не мог найти логического объяснения моей реакции и всегда полагал, что после первой нашей встречи возвращался назад увидеть его только потому, что мною овладел этот взгляд.

— Это был мой быстрый способ завладеть тобой, — сказал он. — Это был прямой бросок в твой *тонал*. Я напустил онемение на тебя посредством фокусирования своего *вилл* не нем.

— Как ты это сделал? — спросил я.

— Взгляд *воина* располагается на правом глазе другого человека, — сказал он. — И то, что это делает — это остановка внутреннего диалога, затем за дело принимается *негуал*. Когда *негуал* преобладает, даже если только на мгновение, нет способа описать чувство, испытываемое телом. Я знаю, что ты потратил бесконечные часы, пытаясь определить, что чувствовал, но и по сей день ты не способен этого сделать. Тем не менее я совершил то, что хотел. Я подцепил тебя.

Он почесал затылок, сдвинув шляпу на лоб. — Это естественно единственный путь разговора, — сказал он. — Путь объяснения странных физических ощущений.

Он приказал мне прекратить писать и смотреть на него, сказав, что собирается "схватить" мой *тонал* мягко своим *вилл*. Ощущение, которое я испытал, было повторением того, что я чувствовал в первый день нашей встречи и в других случаях, когда дон Жуан заставлял меня ощущать, что его глаза действительно трогали меня в физическом смысле.

— Но как ты заставляешь меня чувствовать, что прикасаешься, дон Жуан? Что ты в действительности делаешь? — спросил я.

— Нет способа точно описать, что делается, — сказал он. Нечто выщелкивает вперед из места ниже живота, что-то, что имеет направление и может быть сфокусировано на любом объекте.

Я опять почувствовал нечто, подобное мягкому пинцету, сжимающему неопределенную часть меня.

— Это работает только тогда, когда *воин* учится фокусировать свой *вилл*, — пояснил дон Жуан после того, как отвел глаза в сторону. — Нет способа практиковать это, поэтому я не рекомендую и не поощряю использовать

это. В заданный момент жизни *война* это просто случается. Никто не знает как.

Он помолчал мгновение. Я чувствовал предельное понимание. Внезапно дон Жуан начал говорить опять.

— Секрет заключен в левом глазе, — сказал он. — Как только *воин* начинает преуспевать на пути знания, его левый глаз может охватывать все, что угодно. Обычно левый глаз *война* имеет странный вид, временами он становится постоянно косым, или же меньше или больше, чем другой, или же изменяется другим образом.

Он посмотрел на меня и в форме шутки принялся изучать мой левый глаз. Затем он тряхнул головой в знак разочарования и хихикнул. — Как только ученик зацеплен, инструктирование началось, — продолжил он. — Первое действие учителя состоит в проведении той идеи, что мир, который мы думаем, что видим, есть только видение, описание мира. Каждое усилие учителя направлено на утверждения этой точки зрения в ученике. Но принятие этого оказывается одной из труднейших вещей, которые он может сделать.

Мы совершенно пойманы в нашу частичную точку зрения на мир, которая вынуждает нас чувствовать и действовать так, как будто мы знаем все о мире. Учитель со своего первого акта воюет за остановку этого взгляда. *Сосеры* называют это остановкой внутреннего диалога, и они заключают, что это единственно значительна техника, которой ученик должен учиться. Чтобы остановить взгляд на мир, который каждый удерживает с колыбели, недостаточно одного желания или решения. Необходима практическая задача. Эта задача называется правильным способом хождения. Это кажется безобидным и нонсенсом. Как любое другое, имеющее *науу* в себе или через себя, правильный способ хождения не привлекает внимание. Ты понимал и рассматривал это, по крайней мере несколько раз как курьезный способ поведения. Это не прояснилось для тебя до совсем недавнего времени, что это наиболее эффективный путь остановить свой внутренний диалог.

— Как правильная манера хождения останавливает внутренний диалог? — спросил я.

— Хождение в этой специальной манере насыщает *тонал*, — сказал он. — Оно затопляет его. Пойми, внимание *тонала* располагается на его творениях. Фактически именно это внимание и создает порядок мира в первую очередь, поэтому *тонал* должен быть внимателен к элементам этого мира и должен, сверх всего, несдерживать такой взгляд на мир как внутренний диалог.

Далее он сказал, что правильный способ хождения является уловкой. *Воин*, прежде всего, посредством скручивания (завивания) пальцев притягивает свое внимание к рукам. Затем посредством смотрения без фокусирования взгляда ни на чем прямо перед ним по дуге, начинающейся от кончиков ног и кончающейся выше горизонта, он буквально наводняет *тонал* информацией. *Тонал* без однозначного соответствия с элементами его описания не способен разговаривать сам с собой и поэтому остается молчащим.

Дон Жуан объяснил, что позиция пальцев не имеет вовсе значения, и что только рассматривание притягивает внимание к рукам через рукопожатие в

различных непринужденных вариантах, и существенное заключается в манере, в которой глаза, посредством удерживания их несфокусированными, детектируют огромное число черт мира без ясного их видения. Он добавил, что глаза в этой позиции способны выбирать детали, которые ускользают от нормального взора.

— Вместе с правильным способом хождения, — продолжал дон Жуан, — учитель должен учить ученика другой возможности, которая еще более тонка — возможности действовать без веры в награду и без ожидания ее, действовать просто как «черт с ней!». Я возможно не преувеличу, если скажу, что успех предприятия зависит от того, как хорошо и грамотно учитель ведет ученика в это специфическое отношение.

Я сказал дону Жуану, что не вспоминаю, когда он обсуждал действие просто для «черт с ним» как специфическую технику. Все, что я мог вспомнить, были его постоянные необязывающие комментарии об этом.

Он улыбнулся и сказал, что его маневр был настолько тонок, что он не замечен мной до сих пор. Он далее напомнил мне все бессмысленные шуточные задачи, которые обычно давал каждый раз, когда я был в его доме. Абсурдные занятия такие, как организация костра по образцу, окружение его дома неразрывной цепью кругов, начерченных на земле пальцами, выметание камушков из одного места на другое и так далее. Кроме того, эти задачи включали действия, выполняемые только мною, такие как ношение черной кепи, надевание первым левого ботинка, завязывание ремня справа налево.

Причина того, что я не принимал их иначе как шутки, состояла в том, что он советовал мне забыть о них, как только они устанавливались в постоянную привычку.

Когда же он суммировал все задачи, то дал мне осознать, что заставляя выполнять бессмысленные процедуры, действительно имплантировал в меня идею действия без действительного ожидания чего-либо взамен.

— Остановка внутреннего диалога является, однако, ключем к миру *сосеров*, — сказал он. — Остальные действия — только поддержка. Все, что они делают, это ускоряют эффект остановки внутреннего диалога.

Он сказал, что есть два главных действия или техники, используемых 'для ускорения остановки внутреннего диалога: стирание личной истории и *дриминг*. Он напомнил мне, что в течений ранних этапов моего ученичества он дал мне множество специальных методов изменения моей "персональности". Я записал их в свои тетради и забыл о них на несколько лет, пока не осознал их значимость. Эти специальные методы казались сначала высоко идиосинкратическими девизами, принуждающими меня к модификации поведения.

Он объяснил, что искусство учителя состоит в отвлечении внимания ученика от главного результата. Отчетливый пример этого искусства состоит в том факте, что я не осознал до настоящего дня действительное совершение им трюка со мной в обучении наиболее решающему пункту — действию без ожидания награды.

Он сказал, что в соответствии с этой рациональностью вращал мой интерес вокруг идеи "видения", которая, будучи правильно понята, является актом,

действующим прямо с *негуалом*, который является неизбежным результатом учения, но недостижимой задачей сама по себе.

— Какова причина обманывания меня таким способом? — спросил я.

— *Сосеры* считают, что все мы — гроздь простаков, — сказал он. — Мы никогда не оставляем наш хорошо выкормленный контроль по своей воле, поэтому должны быть обмануты.

Смысл его объяснения сводился к тому, что посредством фокусирования моего внимания на псевдозадачах, обучения "видеть", он заставил успешно совершить две вещи. Во-первых, он наметил прямую встречу с *негуалом* без упоминания о нем, и, во-вторых, он обманул меня в рассмотрении реального результата его учения как непоследовательного дела.

Стирание личной истории и *дриминг* никогда не были так важны для меня как "видение". Я рассматривал их как очень внутренние действия. Я даже думал, что они являются практикой, для которой у меня были огромные способности.

— Огромные способности, — сказал он, усмехаясь, когда услышал мои комментарии. — Учитель не должен ничего оставлять на случай. Я говорю тебе, что ты прав, когда чувствовал себя обманываемым. Проблемы состояла в том, что ты заключил, что обман направлен на одурачение твоей рациональности. Для меня же обманывание было направлено на расстройство твоего внимания, поимку его так, как требовал случай.

Он посмотрел на меня косщими глазами и указал вокруг подметающим жестом руки. — Секрет всего этого в нашем внимании. — сказал он.

— Что ты имеешь в виду, дон Жуан?

— Все это существует, благодаря нашему вниманию. Любой камень здесь, где мы сидим, является камнем, потому что мы вынудили дать наше внимание ему как камню.

Я попросил, чтобы он объяснил эту идею. Он улыбнулся и поднял обвиняющий палец на меня.

— Это резюмирование, — сказал он. — Хорошо, давай вернемся к этому позднее.

Он утверждал, что из-за его завлекающего маневра я стал интересоваться стиранием личной истории и *дримингом*. Он сказал, что эффект этих двух техник был бы чрезвычайно опустошающим, если бы они изучались в своей тотальности, и его делом, как каждого учителя, было не позволить своему ученику погружаться в отклонение и угнетенность.

— Стирание личной истории и *дриминг* должны быть только помощью, — сказал он. — То, что нужно ученику в качестве буфера, это темперамент и сила. Поэтому учитель преподает путь *воина* или жизнь подобно *воину*. Это является подсказкой, которая соединяет все вместе в мире *сосеров*. Кусок за куском учитель должен выковывать и, развивать это. Без силы и постепенности пути *воина* нет возможности утверждения пути *знания*.

Дон Жуан сказал, что изучение пути *воина* является моментом, когда внимание ученика скорее ловится, чем уклоняется, и он ловил мое внимание, выталкивая меня из моего обычного окружения каждый раз, когда я приез-

жал увидеть его. Наше хождение по пустыням и горам было средством завершить это. Уловка измерения содержания контекста моего обычного мира через привлечение меня к прогулкам и охоте было другим моментом его системы окружения меня. Преобразование контекста означало, что я не знал веревок, и мое внимание было сконцентрировано на том, что делал дон Жуан.

— Это трюк! А? — воскликнул он и улыбнулся. Я рассмеялся вместе с ним. Я никогда не предполагал, что он был так сведущ.

Затем он перечислил шаги в ведении и ловле моего внимания. Когда он закончил свой отчет, то добавил, что учитель должен принимать во внимание персональность ученика, и в моем случае он должен быть заботливыми, потому что я был насильственной натурой и мог прийти в отчаянии к мысли о самоубийстве.

— Что за предусмотрительный товарищ вы, дон Жуан, — сказал я в шутку, и он разразился мощным смехом.

Он объяснил, что для того чтобы помочь стиранию личной истории, должны быть освоены три другие техники: потеря самозначительности, принятие ответственности за свои действия и использование смерти как советчика. Идея состояла в том, что без благотворного эффекта этих трех техник, стирание личной истории могло вовлечь ученика в состояние неустойчивости, уклончивости и ненужных сомнений в себе и своих действиях.

Дон Жуан попросил сказать ему, что являлось наиболее естественной реакцией для меня в момент стресса, расстройства и разочарования прежде, чем я стал учеником. Он сказал, что его собственной реакцией была ярость. Я сказал, что у меня это была жалость к себе.

— Хотя ты и не осознавал этого, но ты работал своей головой, чтобы сделать это чувство естественным, — сказал он. — И теперь нет способа для тебя вспомнить огромное усилие, требовавшееся для установления саможалости как черты твоего *острова тонала*. Саможалость скучающе наблюдала все, что ты делал. Она была, словно кончики твоих пальцев, готовые следовать за тобой. Смерть рассматривается *воином* как более ответственный советчик, который также может принести скучающее наблюдение всего, что делаешь, также как саможалость или ярость. Очевидно, после невысказываемой борьбы, ты обучился чувствовать вину перед самим собой. Но ты можешь учиться тем же способом чувствовать твой надвигающийся конец, и так ты можешь обучаться идее своей смерти на кончиках твоих пальцев. Как советчик саможалость является ничем в сравнении со смертью.

Дон Жуан указал далее, что идея изменения кажется противоречивой. С одной стороны, мир *сосеров* призывает к резкому преобразованию, с другой, *сосер-объяснение* говорит, что *остров тонала* завершенный и ни один его элемент не может быть удален.

— Взять саможалость, к примеру, — сказал он. — Нет способа избавиться от нее по-хорошему. Она имеет свое определенное место и характер в твоём острове, определенный фасад, который распознаваем. Итак, каждый раз, когда предоставляется случай, саможалость активизируется. Это имеет

свою историю. Если ты изменишь фасад саможалости, то сдвинешь место ее выпуклости.

Я попросил его пояснить значение этой метафоры, особенно идею изменения фасада. Я понял это как, возможно, акт выполнения более чем одной роли в одно и то же время.

— Кто-то изменяет фасад изменением полезности элементов *острова*, — заметил он. — Возьмем опять саможалость. Она полезна тебе, потому что ты чувствуешь свою значительность и заслуживаешь лучших условий, лучшего обращения, или же потому, что ты не желаешь допускать ответственности за действия, приводящие тебя в состояние, вызывающее саможалость, или же потому, что ты не способен допустить мысль о твоей надвигающейся смерти, чтобы она наблюдала твои действия и советовала тебе.

— Стирание личной истории и три составляющие ее техники являются средством *сосера* для изменения фасада элементов *острова*. К примеру, стирание личной истории для тебя требует отвергнуть пользу саможалости. Для того, чтобы саможалость работала, ты должен чувствовать себя значительным, безответственным и бессмертным. Когда эти чувства изменятся некоторым образом, невозможно далее чувствовать вину перед собой.

То же самое истинно и для других элементов, которые ты изменяешь в твоём острове. Без использования этих четырех техник ты никогда не будешь иметь успеха в изменении этих элементов. Но изменение фасада значит только то, что ты назначил второе место для более значительного элемента. Твоя саможалость все еще черта твоего *острова*. Она будет там сзади тем же способом как и идея об надвигающейся смерти, или твоей униженности, или твоей ответственности за свои действия, но без использования.

Дон Жуан сказал, что как только все эти техники предоставлены, ученик пребывает на перекресток. В зависимости от своей чувствительности он совершает одну из двух вещей. Или же он принимает рекомендации и предположения, сделанные учителем, к своему сведению в качестве имеющих значение, или же он рассматривает их как шутку и заблуждение.

Я отметил, что в моем случае, был смущен словом "техники". Я всегда ожидал набор точных директив, но мне давались только смутные предположения, и я был неспособен принимать их серьезно или действовать в соответствии с его условиями.

— Это была твоя ошибка, — сказал он. — Я должен был решить тогда, давать тебе или нет *пауа-растения*. Ты мог бы использовать эти четыре техники для очищения и реорганизации твоего *острова тонала*. Они возможно привели бы тебя к *негуалу*. Но никто из нас не способен реагировать на простые рекомендации. Ты и многие другие в этом плане нуждались в чем-то другом, чтобы встряхнуться — мы нуждались в *пауа-растениях*.

Действительно, для меня потребовались годы, чтобы осознать значимость этих ранних предположений, сделанных дон Жуаном. Экстраординарный эффект психотропных растений, действовавший на меня, дал мне предубеждение, что их использование является ключевой чертой техники. Я придерживался этого убеждения, и только последние годы моего ученичества осознал, что значимые трансформации и находки *сосеров* всегда производятся в состоянии трезвой сознательности.

— Что бы случилось, если я принял бы твои рекомендации серьезно, — спросил я.

— Ты возможно бы подошел к *негуалу*, — ответил он.

— Не мог ли я придти к *негуалу* без *бенефектора*?

— *Пауа* доставляет согласно твоей *безупречности*, — сказал он. — Если бы ты серьезно использовал эти четыре техники, то запас бы достаточно личной *пауы*, чтобы найти *бенефектора*. Ты был бы *безупречен* и *пауа* открыла бы все необходимые дороги. Это является правилом.

— Почему же ты не дал мне больше времени? — спросил я.

— Ты имел все время, в котором нуждался, — сказал он. — *Пауа* показала мне путь. Как-то ночью я дал тебе загадку для разрешения. Ты должен был найти свою благорасположенную точку перед дверью моего дома. Той ночью ты поработал чудесно под моим давлением и утром уснул над очень специфичным камнем, который я положил там. *Пауа* показала мне, что ты или был бы подтолкнут благоволительно или не смог бы этого сделать во все.

— Помогли, ли мне *пауа-растения*? — спросил я.

— Определенно, — сказал он. — Они раскрыли тебя посредством остановки твоего взгляда на мир. В этом отношении *пауа-растения* имеют тот же эффект на *тонал* как и правильный способ хождения. Оба насыщают его информацией и вынуждают внутренний диалог придти к остановке. Растения прекрасны для этого, но очень дорогой ценой. Они причиняют невысказываемое разрушение телу. Это их отрицательная сторона, особенно *дьавольской травы*.

— Если ты знал, что они так опасны, почему же ты давал их мне так много и много раз? — спросил я.

Он заверил меня, что детали процедуры определяются самой *пауой*. И хотя учителя предполагают достигнуть одного результата со всеми учениками, порядок различен для каждого, и что он получал повторяющиеся указания на то, что я нуждался в большом количестве насилия, чтобы начать беспокоиться хоть о чем-то.

— Я имел дело с абсолютно бессмертным существом, которое не имело никакого уважения к своей жизни или смерти, — сказал он, улыбаясь.

Я напомнил ему тот факт, что он описывал и обсуждал эти растения в терминах антропоморфных качеств. Его ссылки на них были таковы, как будто все растения были персонифицированы. Он ответил на это, что все это — предписанные средства для отвлечения внимания ученика от действительного результата, которым является остановка внутреннего диалога

— Если они используются только для остановки внутреннего диалога, то каково их отношение к *эллаям*? — спросил я.

— Это трудный пункт для объяснения, — сказал он. — Эти растения ведут ученика прямо к *негуалу*, а *эллай* является аспектом *негуала*. Мы функционируем в центре рассудка исключительно, независимо от того, кто мы и откуда пришли. Рассудок может, естественно, учиться тем или иным путем все, что случается в его взоре мира. *Эллай* является чем-то, что вне

этого взора, вне реальности рассудка. Его можно наблюдать только в центре *вилл* временами, когда наш обычный вид останавливается. Тем самым он действительно является *негуалом*. *Сосеры*, однако, изучают восприятие *эллая* в более сложном виде, и, поступая так, они тоже глубоко погружаются в новую точку зрения. Так, для того чтобы предохранить тебя от этой судьбы, я не акцентировал внимание на *эллае*, как *сосеры* обычно делают. *Сосеры* через поколения обучились использовать *пауа-растения* для учета в своих взглядах всего, что ответственно за них. Я бы сказал, что *сосеры*, посредством применения своего *вилл*, достигли успеха в расширении взгляда на мир. Мои учитель и *бенефектор* были чистейшими примерами этому, они были людьми огромной *пауы*, но они не были людьми *знания*. Они никогда не разбивали оковы своих чудовищных взглядов и, тем самым, никогда не достигали *тотальности себя*, хотя они и знали об этом. Не то, чтобы они жили заблудшей жизнью, провозглашая вещи выше их власти. Они знали, что пропустили корабль, и что только при их смерти тотальная мистерия раскрывается им. Искусство *сосеры* было дано им как отблеск, но никогда не как реальное средство для достижения своей *тотальности*.

— Я дал тебе достаточно о взгляде *сосеров* без позволения тебе быть захваченным им. — Он сказал, что только если расположить два взгляда один против другого, можно выбрать один из них, чтобы прибыть к реальному миру. — Я имею в виду, что можно достичь *тотальности себя* только когда полностью поймешь, что мир — это, главным образом, взгляд, независимо от того, принадлежит ли этот взгляд обычному человеку или *сосеру*.

— Здесь я отклонюсь от традиции. После борьбы в течение своей жизни я знаю, что существо состоит не в изучении нового описания, а в достижении *тотальности себя*. Необходимо достичь *негуала* без оклеветывания *тонала* и, сверх того, без ранения своего тела. Ты принимал эти растения, следуя точно тем шагам, которые проделал и я. Единственное различие было в том, что вместо погружения тебя в них я остановился, когда посчитал, что ты накопил достаточно взглядов на *негуал*. В этом состоит причина, почему я никогда не хотел обсуждать твоих встреч с *пауа-растениями* или позволять тебе говорить одержимо о них. Нет точки опоры в развитии невысказываемого.

Я упомянул, что моя потребность в обсуждении моих восприятий под влиянием психотропных растений состояла в интересе к подтверждению моих собственных гипотез. Я заключал, что с помощью этих растений он снабжал меня памятью о неосознаваемых путях восприятия. Эти воспоминания в то время, когда я их испытывал, могли казаться идиосинкратическими и несвязанными с чем-либо, имеющим значение, позднее же они соединялись в единицы значимости. Я знал, что дон Жуан искусно ведет меня все время, и что любое объединение значимости проделано под его руководством.

— Я не желаю подчеркивать эти события или объяснить их, — сказал он сухо. — Акт задержки на объяснениях возвратит нас прямо назад, где мы не должны хотеть оказаться, так как сейчас мы имеем более широкий взгляд. — Дон Жуан оказал, что после того как внутренний диалог ученика приостанавливается под действием *пауа-растений*, развиваются неизбежные изменения. Ученик начинает осознавать по-новому ученичество в це-

лом. По мнению дон Жуана, даже наиболее волевой ученик на этом этапе страдает серьезной потерей интереса.

— *Пауа-растения* сотрясают *тонал* и дают угрозу единству всего *острова*, — сказал он.

— В это время ученик отступает и, поступая благоразумно, желает выйти их игры. В это время учитель устанавливает ему наиболее искусную ловушку — *ценного оппонента*. Эта уловка имеет два назначения. Во-первых, она позволяет учителю удержать своего ученика, и во-вторых, она дает возможность ученику получить опорный пункт для дальнейшего использования.

Уловка состоит в выводе на арену *ценного оппонента*. Без содействия *ценного оппонента*, каковой в действительности не является врагом, а тщательно выбираемым противником, ученик не имеет возможности продолжить дорогу знания. Лучший из людей будет молчать в этой позиции, если оставить на нем задачу принятия решений. Я принес тебе в качестве *ценного оппонента* прекраснейшего из *воинов*, которого можно найти — ла Каталину.

Здесь дон Жуан говорил о периоде несколько лет назад, когда он ввел меня в длительное сражение с индейской *сосерой*.

— Я привел тебя в телесный контакт с ней, — продолжил он. — Я выбрал женщину, потому что ты доверяешь им. Переделать это доверие было очень трудным делом для нее. Она призналась мне годы спустя, что предпочла бы не принимать в этом участия, так как ты нравился ей. Но она — большой *воин*, и несмотря на свои чувства, она чуть не выбросила тебя с планеты. Она реорганизовала твой *тонал* так интенсивно, что он никогда не сможет стать прежним. Она действительно изменила черты на лице твоего *острова* так глубоко, что ее действия послали тебя в другую реальность. Можно сказать, что она могла бы сама стать твоим *бенефектором*. Было что-то привлекательное между вами. Ты был неспособен пугаться ее. Ты почти потерял свою бесчувственность однажды ночью, когда она приветствовала тебя, но несмотря на это, ты был привлекательным для нее. Она была желанной женщиной для тебя, независимо от того, как она пугала тебя. И она знала это. Я поймал тебя как-то днем, смотрящим на нее на трясущихся от страха ногах, но все же глазеющим на нее.

— Вследствие действий *ценного оппонента* ученик может быть или разорван на куски или же радикально изменен. Действия ла Каталины над тобой, так как они не убили тебя, не потому что она недостаточно сильно старалась, а потому, что ты был стоек, имели благоприятный эффект на тебя, и, кроме того, снабдили тебя решением.

— Учитель использует *ценного оппонента*, чтобы подтолкнуть ученика к выбору своей жизни. Ученик должен выбрать между миром *воинов* и своим обычным миром. Но никакой выбор невозможен, пока ученик не осознает свой выбор. Тем самым учитель должен быть совершенно спокоен, понимать состояние и вести своего ученика уверенной рукой к этому выбору и, сверх этого, он должен быть уверен, что его ученик выберет мир и жизнь *воина*. Я совершил это через то, что просил тебя помочь мне победить ла Каталину. Я сказал тебе, что она пытается убить меня, и что я нуждаюсь в твоей помощи, чтобы освободиться от нее. Я дал тебе ясное предупрежде-

ние о последствиях твоего выбора и кучу времени решать, будешь ты или нет участвовать в этом.

Ясно помню, как дон Жуан поставил мне петлю в этот день. Он сказал мне, что если я не хочу помочь ему, то свободен уехать и никогда не возвращаться назад. Я чувствовал в этот момент, что свободен выбрать свой собственный курс и в дальнейшем не быть обязанным ему.

Я покинул его дом и поехал прочь со смешанным чувством горечи и счастья. Мне было жаль покидать дон Жуана, и, вместе с тем, я был счастлив покончить со всей его дезориентирующей активностью. Я думал о Лос-Анджелесе и моих друзьях и всех привычках моей ежедневной жизни, которая ожидает меня. Эти маленькие привычки всегда приносили мне много приятных минут. Я чувствовал немного приподнятое настроения. Странность дон Жуана и его жизни были позади, и я был свободен.

Мое счастливое настроение, однако, не длилось долго. Мое желание покинуть мир дон Жуана было неустойчиво. Мои привычки потеряли свою силу. Я старался думать о чем-то, что хотелось сделать в Лос-Анджелесе, но не было ничего. Дон Жуан однажды сказал мне, что я боюсь людей и обучился защищать себя посредством нестремления ни к чему. Он сказал, что отсутствие желания чего-нибудь было прекрасным достижением для *воина*. В своей глупости, однако, я расширил чувство нежелания чего-либо и превратил его в то, что мне не нравилось ничего. Итак моя жизнь была скучна и пуста.

Он был прав, и, летя на север, я был поражен полным ударом моего собственного неожиданного бешенства. Я начал осознавать последствия своего выбора. Я действительно покидал магический мир последовательного обновления для своей мягкой, надоедливой жизни в Лос-Анджелесе. Я начал вспоминать мои пустые дни. Я вспомнил одно воскресение, в частности. Я чувствовал не спокойствие весь день из-за того, что нечего было делать. Ни один друг не пришел навестить меня. Ни один не пригласил меня на встречу. Людей, которых я хотел видеть, не было дома, и что хуже всего, я просмотрел уже все фильмы в округе. Поздним вечером в предельном отчаянии я изучил еще раз афишу фильмов и нашел один фильм, который никогда не хотел смотреть. Его показывали в городишке за 35 минут езды отсюда. Я поехал смотреть его, ненавидя его, но и это было лучше, чем не находить, чем заняться.

Под ударом мира дон Жуана я изменился. С тех пор как я встретил его, у меня не было времени скучать. Это само по себе было достаточно для меня. Дон Жуан действительно создал уверенность, что я выберу мир *воинов*. Я повернул назад и поехал а его дому.

— Что случилось, если бы я выбрал вернуться в Лос-Анджелес? — спросил я.

— Это было бы невозможно, — сказал он. — Такой выбор не существовал. Все, что требовалось тебе, это позволить твоему *тоналу* стать знающим об обладании решением вступить в мир *сосеров*. *Тонал* не знает, что это решение находится в царстве *негуала*. Когда мы думаем, что принимаем решение, то все, что мы делаем, есть признание того, что нечто выше нашего понимания установило сценарий нашего так называемого решения, и все, что мы делаем, это молча соглашаемся.

— В жизни война только одна вещь, только один единственный выход реально неразрешим — как далеко он сможет идти по пути *знания* и *науы*. Этот выход открыт и никто не может предсказать его исход. Я однажды говорил тебе, что свобода *воина* состоит или в действии *безупречно* или в действии как простака. *Безупречность* действительно единственно свободный выход и, таким образом, истинная мера духа воина.

Дон Жуан сказал, что после того, как ученик выбрал вступить в мир *сосеров*, учитель дает ему прагматическую задачу, которую он должен выполнять в своей ежедневной жизни. Он объяснил, что эта задача замышляется соответственно персональности ученика и представляет обычно тип надуманных жизненных ситуаций, в которые ученик рассчитывает проникнуть, как средство постоянного воздействия на его взгляд на мир. В моем случае я понимал задачу скорее как жизненную шутку, чем серьезную жизненную ситуацию. С течением времени, однако, это наконец воздействовало на меня так, что я стал серьезен к ней.

— После того как ученику дали его *сосер-задачу*, он готов к другому типу инструкций, — продолжил он. — В твоём случае, с тех пор, как ты перестал быть учеником, я научил тебя трем техникам, чтобы помочь *дримингу*: *прерыванию жизненных привычек*, *пауа-походке* и *неделанию*. Ты очень стойкий и глупый как ученик и глупый как *воин*. Ты преисполнено долга записывал все, что я говорил, и все, что случалось с тобой, но ты не желал действовать точно по моим указаниям. Поэтому опять я был вынужден взорвать тебя посредством *пауа-растений*.

Дон Жуан далее дал мне по-элементное перечисление того, как он уводил мое внимание от *дриминга*, давая мне уверенность, что важная проблема состоит в очень трудной активности, которую он называл *неделанием* и состоящую в игре восприятия по фокусированию внимания на особенностях мира, которые обычно не замечаются, таких как тени вещей. Дон Жуан сказал, что его стратегии была в установлении *неделания* отдельно, посредством напускания большой секретности на нее.

Неделание, как и все остальное, является очень важной техникой, — сказал он. — Ты чувствовал влечение к секретности. Ты, шляпа, должен был сохранять секреты!

Он улыбнулся и сказал, что может вообразить трудности, через которые я должен был пройти, чтобы держать свой рот закрытым.

Он объяснил, что *прерывание привычек*, *пауа-походка* и *неделание* есть авеню для изучения новых путей восприятия мира, и они дают *воину* расположенность к невероятным возможностям действия. Мысль дон Жуана сводилась к тому, что знание определенного и прагматического мира *дриминга* становится возможным через использование этих техник.

— Дриминг — это практический дополнительный механизм для *сосера*, — сказал он. — Они не дураки, они знают, что делают и ищут полезности *негуала* посредством тренировки своего *тонула* уйти на момент и затем схватить его опить. Это утверждение не имело бы смысл для тебя. Но это то, что ты делал все время: тренировал себя позволять идти без потери своей бесчувственности. *Дриминг*, конечно, вершина усилий *сосера*, высшее использование *негуала*.

Он прошелся по всем упражнениям *неделания*, которые заставлял меня выполнять, по привычкам моей ежедневной жизни, которые он изолировал или прервал, и по всем случаям, когда он вынуждал меня двигаться в *пауа-походке*.

— Мы пришли к концу моего резюме, — сказал он. — Теперь мы должны поговорить о Генаро.

Дон Жуан сказал, что это было очень важное знамение в этот день, когда я встретил дои Генаро. Я сказал ему, что не могу припомнить чего-либо необычного. Он напомнил мне, что в этот день мы сидели на скамейке парка, и он упомянул заранее, что ждет товарища, которого я ранее не видел, и когда он появился, я указал ему его без всяких колебаний в середине огромной толпы. Это знамение дало им понять, что дон Генаро есть мой *бенефектор*.

Я припомнил, когда он упомянул об этом, что мы сидели, разговаривая, и я повернулся и увидел маленького сухощавого человеке, который излучал экстраординарную жизненность или просто порыв. Я в шутливом тоне сказал дон Жуану, что друг его приближается к нам, и что он, скорее всего, *сосер*, близкий к нему по внешности.

— Генаро рекомендовал, что делать с тобой с того дня, — продолжал дон Жуан. — Как твой гид и *негуал*, он дал тебе безупречные демонстрации, и каждый раз, когда он выполнял действия как *негуал*, ты оставался со *знанием*, которое отвергало и обходило твой рассудок. Он демонтировал твой взгляд на мир, хотя ты еще не знаешь об этом. Опять же в этом случае он вел себя точно также, как в случае *пауа-растений*, поскольку тебе требовалось более чем обычно было необходимо. Немного нападений *негуала* было бы достаточно, чтобы демонтировать чей-нибудь взгляд, но даже по сей день, после всех заграждений *негуала*, твой взгляд кажется неуязвимым. Достаточно печально, но это твоя лучшая черта!

— Тем не менее, работа Генаро состояла во введении тебя в *негуал*. Но здесь мы имеем странный вопрос: Что вводит в *негуал*?

Он дал мне сигнал движением глаз ответить на вопрос.

— Мой рассудок? — спросил я.

— Нет, рассудок здесь не имеет значения, — отпарировал он. — Рассудок теряется в момент, когда оказывается вне своих безопасных узких рамок.

— Тогда это мой *тонал*, — сказал я.

— Нет, *тонал* и *негуал* — это две внутренние части нас самих, — сказал он сухо. — Они не могут вести друг в друга.

— Мое восприятие? — спросил я.

— Ты добрался! — заорал он, как будто я был ребенок, давший ему правильный ответ. — Мы подошли к *сосер-объяснению* сейчас. Я предупредил тебя уже, что оно не объясняет ничего и тем не менее...

Он сделал паузу и взглянул на меня сияющими глазами.

— Это другая уловка *сосеров*, — сказал он.

— Что ты имеешь в виду? Что за уловка? — спросил я с тенью беспокойства.

— *Сосер-объяснение*, конечно, — ответил он. — Ты видишь это сам! Но давай продолжим. Это *пузырь*, в котором мы располагаемся в момент нашего рождения. Сначала *пузырь* открыт, но затем он начинает закрываться, пока не заключит нас внутри. Этот пузырь есть наше восприятие. Мы живем внутри пузыря все наши жизни. И то, чем мы являемся свидетелями на его круглых стенах, есть наше собственное отражение.

— Он наклонил свою голову и посмотрел на меня вопросительно. Он хихикал.

— Мы бестолковы, — оказал он. — Ты предполагал поставить здесь вопрос... , — и улыбнулся. Как-то его предупреждение относительно *сосер-объяснения* и осознание устрашающего уровня его всеведения наконец начало оказывать на меня действие..

— Что за вопрос я предполагал поднять? — спросил я.

— Если то, что мы наблюдаем на стенах, есть наше собственное отражение, тогда вещи, которые отражаются, должны быть реальными вещами, — сказал он, улыбаясь.

— Это хороший вопрос, — сказал я в шутливом тоне. Мой рассудок с легкостью следовал за этим аргументом.

— Отражающиеся вещи есть наш взгляд на мир. Этот взгляд сначала есть описание, которое дано нам с момента нашего рождения, пока все наше внимание не схвачено им, и описание становится взглядом. Задача учителя состоит в реорганизации взгляда, приготвлении *светящегося существа* ко времени, когда *бенефектор* открывает *пузырь* вовне.

Он сделал еще одну пугающую паузу и сделал повторное замечание об отсутствии у меня внимания, проявляющегося в моей неспособности делать соответствующие комментарии или задавать вопросы.

— Что за вопрос у меня должен быть? — спросил я.

— Почему *пузырь* должен быть открыт? — ответил он.

Он громко рассмеялся и похлопал меня по спине, когда я сказал, что это хороший вопрос.

— Конечно! — воскликнул он. — Это должен быть хороший вопрос для тебя. Он один из твоих собственных.

— Пузырь открывается, чтобы позволить *светящемуся существу* взгляд своей *тотальности*, — продолжал он. — Естественно, манера называть это *пузырем* — всего лишь способ выражения, но в данном случае это акkuratный способ.

— Деликатный маневр введения *светящегося существа* в свою *тотальность* требует, чтобы учитель работал изнутри *пузыря*, а *бенефектор* извне. Учитель переупорядочивает взгляд на мир. Я называю этот взгляд *островом тонала*. Я говорил тебе, что все, что ты есть, есть на этом *острове*. *Сосер-объяснение* говорит, что *остров тонала* сделан посредством нашего ощущения, которое натренировано фокусироваться на определенных элементах. Каждый из этих элементов и все они вместе формируют наш

взгляд на мир. Работа учителя состоит в реорганизации всех элементов острова на одной половине *пузыря*. Теперь ты должен осознать, что чистка и реорганизация *острова тонала* означает перегруппировку всех его элементов на стороне рассудка. Моей задачей было переделать твой обычный взгляд, не разрушая его, но вынудить его сплотиться на стороне рассудка.

Ты сделал это лучше, чем кто-либо, кого знаю. — Он начертил воображаемый круг на камне и разделил его надвое вертикальным диаметром. Он сказал, что искусство учителя — вынудить ученика сгруппировать свой взгляд на правой стороне *пузыря*.

— Почему на правой части? — спросил я.

— Это сторона *тонала*, — сказал он. — Учитель всегда адресует к этой стороне и, даруя своему ученику путь *воина* по правую руку, он толкает его в рациональность, уравновешенность, силу характера и тела, и даруя по другую руку неосознанные, но реальные ситуации, с которыми его ученик не может справиться, он вынуждает его осознать, что его рассудок, хотя он и наиболее удивительный феномен, может покрыть только небольшую область. Как только *воин* предстанет перед своей неспособностью все рассудочно воспринять, он должен сойти со своего пути, чтобы поддержать и защитить свой пораженный рассудок, и для этого он должен сплотить все, что добудет, вокруг него. Учитель следит за этим, немилосердно затюкивая ученика, пока весь его взгляд на мир не будет на одной половине *пузыря*. Другая половина *пузыря*, которая очищается, затем может быть провозглашена как нечто, что *сосеры* называют *вилл*.

— Мы можем лучше пояснить это, говоря что задача учителя — это чистое подметание одной половины *пузыря* и реорганизация всего на другой половине. Задача *бенефектора* — открыть *пузырь* на той половине, где он очищен. Как только печать взломана, *воин* уже никогда не такой же, как прежде. Он должен далее командовать своей *тотальностью*. Половина *пузыря* есть предельный центр *вилл* — *негуал*. Это порядок, который должен господствовать, любое другое расположение бессмысленно и ничтожно, потому что идет против нашей природы. Оно крадет у нас наше магическое наследство и низводит нас до нуля.

Дон Жуан встал, вытянул руки и спину и лрошелся вокруг, чтобы размять мышцы. Было уже немного прохладно. Я спросил, не заканчиваем ли мы. Зачем, шоу еще даже не стартовало, — провозгласил он и рассмеялся. — Это — всего лишь введение.

Он посмотрел на небо и указал на запад небрежным движением руки. — Примерно через час *негуал* будет здесь, — сказал он и улыбнулся. Затем он сел опять. — Мы не касались одного вопроса, — продолжил он. — *Сосеры* называют это секретом *светящихся существ*, и этим является тот факт, что мы — ощущающие. Мы, люди и все другие *светящиеся существа* на Земле — ощущающие. Это — наш *пузырь восприятия*, пузырь ощущения. Наша ошибка состоит в вере, что единственное, подтверждаемо и ценное ощущение доступно через посредством нашего рассудка. *Сосеры* полагают, что рассудок — всего лишь один из центров, и он не должен приниматься как очень большой дар.

Генаро и учили тебя о 8 точках, которые составляют тотальность нашего *пузыря восприятия*. Ты знаешь 6 точек. Сегодня Генаро и далее очистит твой пузырь восприятия, после чего ты узнаешь две остальные точки.

Он внезапно изменил тему и попросил дать детальный отчет о моих ощущениях, имевших место позавчера, начина с момента, когда я увидел дона Генаро, сидящим на камне у дороги.

Он не сделал никаких комментариев в ходе моего рассказа и не прерывал меня. Когда я заканчивал, то добавил и другие наблюдения. Я разговаривал с Паблито и Нестором утром, и они дали мне отчеты о своих ощущениях, которые были очень сходны с моими. По моему мнению он сам сказал мне, что *негуал* является индивидуальным опытом, которому лишь наблюдатель может быть очевидцем. Позавчера были три наблюдателя, и все мы были очевидцами более или менее сходных вещей. Разница выражалась в том, как каждый из нас чувствовал или реагировал на некоторые специфические детали общего феномена.

— То, что случилось вчера, было демонстрацией *негуала* для тебя, для Нестора и Паблито. Я их *бенефактор*. Между Генаро и мной мы аннулировали центр рассудка во всех трех вас. Генаро и я имели достаточно *пауы*, чтобы заставить тебя согласиться с тем, чему ты был свидетелем. Несколько лет назад ты и я были с группой учеников как-то ночью, но я не имел достаточно *пауы* сам, чтобы заставить всех вас быть свидетелями таких же вещей. Он сказал, что судя по тому, что я рассказал о своих вчерашних восприятиях, и что он *видел* относительно меня, можно заключить, что я готов для *сосер-объяснения*. Он добавил, что это же относится и к Паблито, но он не уверен относительно Нестора.

— Быть готовым к *сосер-объяснению* — очень трудное дело, — сказал он. — Это не должно было бы быть так, но мы *погрязли* в нашем жизненно долгом взгляде на мир. В этом отношении Паблито и Нестор схожи. Нестор прячется за свою застенчивость, Паблито — за свое обескураживающее очарование. Ты же прячешься за свою самоуверенность и слова. Все эти взгляды кажутся выбираемыми, и до тех пор, пока вы трое будете упорствовать в использовании их, ваши *пузыри восприятия* не будут очищены и *сосер-объяснение* не будет иметь смысла.

В духе насмешки я сказал, что мною овладело *сосер-объяснение* уже очень длительное время, но чем ближе я приближаюсь к нему, тем дальше оно кажется расположенным. Я собрался добавить шуточный комментарий, но он забрал слова прямо из моего рта.

— Может быть это как будто *сосер-объяснение* обернулось пугалом? — спросил он сквозь громкий смех.

Он похлопал меня по спине с видом восторженности как ребенок, предвидевший приятное событие.

— Генаро яркий сторонник *правила*, — сказал он в доверительном тоне. Ничего, что это ставящее в тупик объяснение. Если бы это было в моих силах, я бы дал его тебе много лет назад. Не придавай слишком много серьезности этому. Он посмотрел вверх, изучая небо. — Теперь ты готов, — сказал он в драматическом и торжественном тоне. Время идти, но прежде чем мы покинем это место, я должен сказать тебе последнюю вещь: мисте-

рия или секрет *сосер-объяснения* в том, что оно имеет дело с раскрывшимися *крыльями восприятия*.

Он положил руку на мою тетрадь и сказал, что я должен сходить в кусты позаботится о своих телесных функциях, и после этого должен снять свою одежду и оставить ее в узле прямо там, где мы были. Я посмотрел на него вопросительно, и он объяснил, что я должен быть нагим, но могу оставить на себе ботинки и шляпу. Я настаивал на ответе, почему я должен быть нагим. Дон Жуан рассмеялся и сказал, что причина скорее личная и связана с моим личным комфортом, что сам должен рассказать ему, почему хочу этого. Его объяснение обескуражило меня. Я чувствовал, что он играет шутку со мной или что в соответствии с тем, что он открыл мне, он просто перемещает мое внимание. Я хотел знать, почему он это делает.

Он начал говорить о случае, который произошел со мной несколько лет назад, когда мы были в горах северной Мексики, с дон Генаро. В этом случае они объясняли мне, что рассудок не имеет возможности отвечать за все, что имеет место в мире. И чтобы дать мне неопровержимую демонстрацию этого, дон Генаро выполнил удивительный прыжок как негуал и "удлинил" себя, достигнув вершины некоторого пика, удаленного на 10—15 миль. Дон Жуан сказал, что я пропустил этот результат, и что до тех пор, пока заключения моего рассудка будут приниматься, демонстрации дон Генаро будут оканчиваться неудачей, но зато моя телесная реакции была сплошной необузданностью и разгулом. Телесная реакция, на которую дон Жуан ссылал, была очень жива в моей памяти. Я видел дон Генаро исчезающим перед моими глазами, как будто ветер смел его прочь. Его прыжок или то, что он делал, имело такой глубокий эффект на меня, что я почувствовал, как его движение рвало что-то в моих внутренностях. Мои кишки стали стянутыми, и я отбросил свои штаны и куртку. Мой дискомфорт и смущение не знали границ. Я шел раздетым в одной шляпе по широкой магистрали с сильным автомобильным движением, пока не достиг своей машины. Дон Жуан напомнил мне, что тогда я просил его не позволять мне впредь уничтожать свою одежду.

После того, как я снял свою одежду, мы пошли к очень большому камню, возвышающемуся над ущельем в нескольких сотнях футов вдали. Он заставил меня посмотреть вниз. Там был спад более сотни футов. Затем он сказал мне выключить внутренний диалог и слушать звуки вокруг нас.

Спустя несколько мгновений я услышал звук камушка, скачущего с камня на камень вниз в ущелье. Я слышал каждый отдельный удар камня с непостижимой ясностью. Затем я услышал другой камень, падающий вниз, и еще один. Я поднял голову, чтобы направить уши по направлению звука и увидел дон Генаро, стоящего наверху камня в 15—20 футах от того места, где были мы. Он случайным образом сбрасывал камни вниз ущелья.

Он завопил и захихикал, когда я увидел его, и сказал, что прятался здесь, ожидая, когда я его раскрою. На мгновение я был сбит с толку. Дон Жуан шептал в мое ухо, повторяя, что мой рассудок не приглашен к этому событию, и я должен махнуть рукой на придирчивое желание контролировать все. Он сказал, что *негуал* — это ощущение только для меня, и это является причиной того, что Паблито не видел *негуала* в моей машине. Он до-

бавил, как будто читая мысли невысказанные мной, что хотя *негуал* только для меня как свидетеля, он все же дон Генаро сам.

Дон Жуан взял меня за руку и в игровой манере повел меня к месту, где сидел дон Генаро. Дон Генаро встал и подошел ближе ко мне. Его тело излучало тепло, которое я мог видеть, синие и ослепляющее меня. Он подошел сбоку и без прикосновения ко мне приблизился к моему левому уху и начал шептать. Дон Жуан также начал нашептывать на мое другое ухо. Их голоса синхронизировались. Они оба повторили одну и ту же фразу. Они говорили, что я не должен бояться, что у меня длинные, мощные *фибры*, которые здесь не для того, чтобы защитить меня, так как нечего и не от чего защищать, а для того, чтобы вести мои *негуал-восприятия* в почти той же форме, как мои глаза ведут нормальные *тонал-ощущения*. Они говорили, что мои *фибры* составляют все вокруг меня и что одной единственной *фибры* достаточно для прыжка с камня в ущелье или из ущелья вверх на камень.

Я слушал все, что он шептал. Казалось, что каждое слово имело уникальное дополнительное значение для меня, я мог возратить каждое выражение и затем проиграть его обратно как запись на магнитофоне. Они вместе понуждали меня прыгнуть на дно ущелья. Они говорили, что я должен сначала почувствовать мои *фибры*, затем изолировать одну, которая покрывает весь путь вниз до дна ущелья, и следовать ей. Каждую произнесенную ими команду я мог сопоставить с адекватными чувствами. Я ощутил зуд везде вокруг меня, чрезвычайно особенное чувство "длинного зуда". Мое тело могло действительно чувствовать дно ущелья, и я ощущал это чувство как зуд в некоторой неопределенной части моего тела.

Дон Жуан и дон Генаро продолжали уговаривать меня скользить через это чувство, но я не знал как. Затем я услышал голос одного дон Генаро.

Он сказал, что собирается прыгнуть со мной. Он схватил меня или толкнул или охватил и устремился со мной в пропасть. У меня было предельное ощущение жесточайшего мучения, как будто мой живот кто-то жевал и пожирал. Это была смесь боли и приятности такой интенсивности и протяженности, что все, что я мог делать, это орать и орать на верхних возможностях своих легких. Затем ощущения уменьшились и я увидел запутанный пучок вспышек и темных масс, лучей света и облакоподобных формаций. Я не мог сказать, были ли мои глаза открыты или закрыты, или где было мое тело. Затем я ощутил такое же физическое страдание, хотя и не столь продолжительное как в первый раз, и следующим было ощущение, что я проснулся и нашел себя, стоящим на камне с дон Жуаном и дон Генаро.

Дон Жуан сказал, что я по-прежнему бестолков и что бесполезно прыгать, если ощущения прыжка собираются быть такими хаотичными. Оба они повторили бесчисленное число раз в мои уши, что *негуал* должен быть искушаем посредством *тонала*. Они сказали, что я должен прыгнуть волевым образом и осознать свой опыт.

Я колебался, главным образом из-за страха, потому что был сопротивляющимся, делающим с неохотой. Я чувствовал нерешительность, как будто мое тело качалось из стороны в сторону как мятник. Затем странное настроение охватило меня, и я прыгнул со всей своей телесностью. Я хотел думать, как будто нырнул, но не мог. И видел как сквозь туман стены узко-

го каньона и выступающие камни на дне ущелья. У меня не было последовательных ощущений движения вниз, вместо этого было чувство, что я действительно на земле внизу, и я различал каждую деталь камней в не-большой окружности вокруг себя. Я заметил, что мой взгляд не направленный и стереоскопический с уровня глаз, но плоский, и воспринимал все вокруг. Спустя мгновение, меня охватила паника и что-то швырнуло меня вверх, подобно йо-йо! [возглас при тяжелой физической работе]

Дон Жуан и дон Генаро заставили меня выполнять прыжки опять и опять. После каждого прыжка дон Жуан понуждал меня быть менее сдержанным и безвольным. Он говорил снова и снова, что *сосер-секрет* в использовании *негуала* состоит в нашем восприятии, что прыжок есть просто упражнение в ощущении, и что он может окончиться только после того, как я буду иметь успех в ощущении как совершенный *тонал*, что я нахожусь на дне каньона.

В один момент у меня было непередаваемое чувство. Я был полностью и трезво уверен, что стою на краю камня с дон Жуаном и дон Генаро, нашептывающими мне на уши, и затем в следующее мгновение смотрел со дна ущелья. Все было совершенно нормально. Было уже почти темно, но все же достаточно света, чтобы все было абсолютно распознаваемо как в мире моей ежедневной жизни. Я рассматривал некоторые кустарники, когда услышал внезапный шум камня, катящегося вниз. Внезапно я увидел хорошего размера булыган, прыгающий вниз по склону прямо на меня. Как вспышку я увидел также дон Генаро, бросающего его. Я бросился в панику и мгновение спустя был вытолкнут на верх камня над ущельем. Я осмотрелся, дон Генаро уже нигде не было. Дон Жуан начал смеяться и сказал, что дон Генаро отбыл, потому что не мог вытерпеть моего зловония. Я смущенно осознал, что действительно был в серьезном беспорядке. Дон Жуан был прав, заставив меня снять одежду. Он проводил меня к ручейку невдалеке и вымыл меня как лошадь, набирая воду в мою шляпу и выливая ее на меня, одновременно дела саркастические замечания относительно спасения моих брюк.

Глава 3. Пузырь восприятия

Я провел день самостоятельно в доме дон Генаро. Большую часть времени я спал. Дон Жуан вернулся в конце дня, и мы побрели в полном молчании к ближайшей гряде гор. Мы остановились в сумерках и сидели на краю глубокого разлома до полной темноты. Затем дон Жуан повел меня на другое место невдалеке от монументальной скалы с почти вертикальной стеной. Скала была неразличима с тропы, ведущей к ней, однако дон Жуан несколько раз по пути указывал на нее. Он заставил меня осмотреть обрыв и сказал, что вся эта скала — место *пауы*, и особенно ее основание — каньон несколько сот метров глубины. Каждый раз, когда я глядел в него, то ощущал неприятную дрожь. Каньон был всегда темен и угрожающ.

Прежде чем мы достигли места, дон Жуан указал, что я должен идти сам и встретить Паблито на краю скал. Он посоветовал, чтобы я расслабился и использовал *пауа-походку*, чтобы избавиться от нервной утомленности.

Дон Жуан отступил в сторону от дорожки и темнота буквально растворила его. Я хотел остановиться и исследовать, где нахожусь, но мое тело не подчинилось. Я начал медленно идти, хотя был так утомлен, что с трудом мог держаться на ногах.

Когда я достиг скалы, то не мог увидеть никого и продолжал топтаться на месте, глубоко дыша. Спустя некоторое время я немного расслабился и, стоя недвижимо спиной против камня, заметил очертания человека в нескольких футах от меня. Он сидел, спрятав голову в руках. У меня был момент сильного испуга и ужас, но я объяснил себе, что человек должен быть Паблито, и без малейшего колебания направился к нему. Я выкрикнул громко им Паблито, так как предположил, что он должен быть неуверен., кто я есть, и испуган, поэтому и закрыл голову, чтобы не смотреть. Но прежде чем я достиг его, некоторый невыразимый страх овладел мной. Мое тело замерзло на месте с правой рукой, почти поднятой, чтобы коснуться его. Человек поднял голову. Это был не Паблито! Его глаза были двум огромными зеркалами как глаза тигра.

Мое тело прыгнуло назад, мускулы напряглись, затем расслабились без малейшего участия с моей стороны, и я совершил прыжок назад так быстро и далеко, что при нормальных условиях погрузился бы в грандиозное обсуждение этого. Однако, мой испуг был столь непропорционален, что у меня не было склонности к размышлению, и я должен был бежать прочь, как будто кто-то сильно держал меня за руку. Это чувство повергло меня в тотальную панику, я испустил вопль, моя вспышка вместо того, чтобы, как я полагал, произвести визг, выразилась в протяжном дрожащем вопле.

Я повернул лицо к нападающему. Это был Паблито, который трясся даже более меня. Моя нервозность была в своей верхней точке. Я не мог говорить, мои зубы стучали, дрожь пробегала по спине, заставляя меня произвольно дергаться. Я вынужден был дышать через рот.

Паблито сказал между вздрагиваниями, что *негуал* ждал его, и он едва вырвался из его объятий, когда натолкнулся на меня, и я чуть не убил его своим воплем. Я попробовал рассмеяться, но вместо этого произвел чрезвычайно странный звук. Когда я обрел спокойствие, то сказал Паблито, что, вероятно, та же вещь случилась и со мной. В конечном результате моя усталость исчезла, вместо этого возникло ощущение силы и хорошего самочувствия. Казалось, что и Паблито испытывает те же чувства. Мы начали хихикать в глупой нервной манере.

Я услышал звук мягких и тщательных шагов в отдалении. Я заметил этот звук ранее Паблито. Казалось, он среагировал на то, что я замер. У меня был уверенность, что кто-то приближается к нам. Мы повернулись в направлении звуков, и мгновение спустя силуэты дон Жуана и доне Генаро стали различимыми. Они шли в молчании и остановились в 4—5 футах от нас. Дон Жуан смотрел на меня, а дон Генаро — на Паблито. Я хотел сказать дон Жуану, что нечто испугало меня, что-то выше моего понимания, но Паблито сжал мою руку. Я знал, что он имел в виду. Было что-то странное в доне Жуане и доне Генаро. Как я смотрел на них, мои глаза начали терять фокус.

Дон Жуан дал короткую команду. Я не понял, что он сказал, но *знал*, что это приказ нам не косить глазами.

— Темнота спустилась на мир, — сказал дон Жуан, глядя на небо.

Дон Генаро тащил серп луны на тяжелую землю. На мгновение казалось, что он использует некоторый радужный мел, но затем я осознал, что он не держит ничего в своих руках. Я воспринимал образ месяца, который он тянул своими пальцами. Он приказал мне и Паблито сесть во внутреннем изгибе выпуклого гребня, он же с дон Жуаном сел скрестив ноги на верхнем конце серпа луны в 6—7 футах от нас.

Дон Жуан заговорил первым и сказал, что они собираются показать нам своих *эллаев*. Он сказал, что если мы будем пристально смотреть слева от них между бедрами и реберными костями, то можем *видеть* нечто, подобное тряпке или носовому платку, зацепленному за их ремни. Дон Генаро добавил, что следующими за тряпками на их ремнях располагаются два круглых пуговицеподобных предмета, и мы должны пристально смотреть на их ремни, пока не *увидим* тряпки и пуговицы.

Прежде чем дон Генаро заговорил, я почти заметил некоторый плоский предмет, подобный куску ткани, и один круглый пузырек, подвешенные к их ремню. *Эллай* дон Жуана был темнее и более угрожающим, чем *эллай* дон Генаро. Моя реакция была смесью любопытства и страха и ощущалась животом. Я не мог обсуждать что-либо в рациональной манере.

Дон Жуан и дон Генаро коснулись своих ремней и, казалось, отстегнули темные куски ткани. Они взяли их левыми руками. Дон Жуан подбросил свой предмет над головой, а дон Генаро позволил своему спуститься мягко на землю. Куски ткани вытянулись, как будто подбрасывание и опускание заставило их развернуться как совершенные мягкие носовые платки. Они опустились медленно, планируя как коршуны. Движение *эллая* дон Жуана было точны повторением того, что я ощущал, когда он крутился позавчера. Как только куски ткани приблизились к земле, они стали плотными, круглыми и массивными. Сначала они свернулись, как бы падая через дверную ручку, затем расширились. *Эллай* дон Жуана вырос в объемную тень. Оно взяло лидерство и двинулось к нам, круша мелкие камни и тяжелые глыбы грязи. Оно приближалось на 5—6 футов к нам к самому нижнему концу месяца между дон Жуаном и дон Генаро. В один момент я подумал, что оно собирается перекатиться через нас и растереть нас в порошок. Мой ужас в этот момент был подобен горящему огню. Тень перед нами была гигантской, вероятно 15 футов высотой и 6 футов в поперечнике. Оно двигалось, как будто исследовало окружающее глазами. Оно подергивалось и тряслось. И знал, что оно смотрит на меня. Паблито в этот момент спрятал свое лицо на моей груди. Чувство, которое его движение произвело на меня, рассеяло определенное благоговейное внимание, которое я фокусировал на тени. Тень, казалось, начала растворяться, судя по ее резкому вздрагиванию, и затем она исчезла из поля зрения, слившись с темнотой.

Я встряхнул Паблито. Он поднял голову и испустил приглушенный вопль. Я поднял взор. Станный человек смотрел на меня. Казалось, что он стоял за тенью, возможно прячась за ней. Он был достаточно высок и левая часть лица была скрыта сыпью или экземой или чем-то в этом роде. Его глаза были дики и сияющи, рот был полуоткрыт. У него была странная одежда типа пижамы, его штаны были коротки для него. Я не мог определить, был ли он обут или нет. Он стоял, глядя на нас, казалось, длительное время,

как будто ожидая открытия, чтобы наброситься на нас и разорвать нас по отдельности — так было много напряжения в его глазах. Это была не ненависть или насилие, но некоторый тип животного чувства недоверия. Я не мог более сдерживать напряжения и желал принять боевую позу, которой дон Жуан обучил меня годы назад, и сделал бы это, если бы не Паблито, который прошептал, что *эллай* не может преодолеть линию, которую дон Генаро прочертил на земле, и осознал, что действительно яркая линия на земле перед нами, казалось, сдерживает его.

Спустя мгновение человек двинулся налево, как и тень до него. У меня было чувство, что дон Жуан и дон Генаро позвали их обоих назад. Была некоторая пауза. Я не мог рассмотреть дон Жуана или дон Генаро, они более не сидели у концов месяца. Внезапно я услышал звук двух маленьких камушков, ударяющих каменный пол, где мы сидели, и вспышка перед нами озарила местность, как будто желтоватый свет внезапно был включен. Перед нами стол хищный зверь, гигантский, вызывающий отвращение койот или волк. Все его тело было покрыто белыми выделениями, подобно поту или слюне. Его шерсть была мокрая и в лохмотьях. Его глаза были полны дикости. Он был наполнен ослепляющей яростью, что вызывало дрожь во мне. Его пасть дергалась и потоки слюны летели во все стороны. Он рыл землю как бешенная собака, пытающаяся сорваться с цепи. Затем он встал на задние лапы и начал быстро двигать передними лапами и пастью. Вся его ярость, казалось, концентрировалась на взламывании барьера между нами.

Я начал осознавать, что мой страх перед этим сумасшедшим животным был другого сорта, чем страх перед двум предыдущими наблюдаемыми явлениями. Моя боязнь этого зверя была физическим отвращением и террором. Я наблюдал в полном бессилии его ярость. Внезапно, казалось, что он потерял свою дикость и исчез из виду.

Я слышал затем нечто другое, идущее к нам, или возможно чувствовал это. Внезапно тень колоссального филина возникла перед нами. Первым я увидел его глаза в темноте — они были огромны и фиксированы, подобно двум блюдцам воды, отражающим свет. Он храпел и мягко рычал. Он вдыхал воздух и двигался взад-вперед перед нами, не уводя своих глаз с нас. Он не имел электрического сияния как койот, я не мог различить отчетливо его черты, и, тем не менее, его присутствие было бесконечно более ужасающим, чем других тварей. Казалось, что он накапливает силу, я чувствовал, что он настолько отчаянный, что может выйти за свои пределы. Паблито должно быть иметь сходные чувства, так как он шепнул, что должен склонить голову и лечь почти горизонтально на землю. Секундой позже филин изменился. Он бросился к нам и затем прыгнул с когтями, вытянутыми вперед. Я закрыл глаза и спрятал голову в руках на земле. Я чувствовал, что зверь прорвал защитную линию, которую дон Генаро начертил вокруг нас и был действительно над нами. Я чувствовал его вес, давящий сверху, шерсть на его животе терялась по моему затылку. Казалось, что его лапы пойманы во что-то, они дергались, чтобы освободиться. Я чувствовал его подергивание и слышал дьявольский хрип и рычание. Я знал, что пропал. У меня было явное чувство рационального выбора, и я хотел предоставить себя спокойно своей судьбе умереть здесь, но боялся физической боли умирания в таких страшных обстоятельствах. Затем некоторая стран-

ная сила наполнила мое тело, как будто оно отвергло смерть и собрало всю свою силу в одной точке — левой руке и кисти. Я чувствовал неукротимую волну, проходящую через нее. Чем-то неконтролируемым, казалось, стало обладать мое тело, чем-то, что вынудило меня толкнуть массивный зло-вредный вес этого зверя прочь от нас. Каталось, что и Паблито действует подобным же образом, и мы оба встали одновременно. Было так много энергии, созданной нами обоими, что тварь взлетела как тряпочная кукла.

Напряжение было наивысшим. Я обрушился на землю, хватая воздух. Мускулы моего живота были так натянуты, что я не мог дышать. Я не обращал внимания, что делал Паблито. Наконец я заметил, что дон Жуан и дон Генаро помогают мне сесть. Я увидел Паблито распластанным на земле лицом вниз со сцепленными сверху руками. Казалось, что он в обмороке. После того как дон Жуан и дон Генаро подняли меня, они помогли Паблито. Они вместе растерли ему живот и спину. Они заставили его встать и, спустя мгновение, он смог сесть самостоятельно.

Дон Жуан и дон Генаро сели на концах серпа луны и затем они начали двигаться перед нами, как будто существовал рельс между двумя точками, который они использовали, чтобы сдвигать свою позицию взад-вперед и из стороны в сторону. Их движения вызвали у меня головокружение. Наконец, они остановились около Паблито и начали шептать ему в уши. Спустя мгновение они встали трое одновременно и пошли на край скалы. Дон Жуан поднял Паблито, как будто он был ребенком. Тело Паблито было плоским как доска, дон Жуан держал его за лодыжки. Он вертел его, казалось, чтобы поймать момент и силу и, наконец, отпустил ноги и подбросил его тело через пропасть от края скалы.

Я увидел тело Паблито на фоне темного запад него неба. Оно описывало круги, также как тело дон Жуана проделывало это днем ранее. Круги были медленными, казалось, Паблито набирал высоту, вместо того, чтобы падать вниз. Затем его круги стали ускоряться. Тело Паблито кружилось подобно диску некоторое время, а затем распалось. Я ощутил, что оно исчезло в плотном воздухе.

Дон Жуан и дон Генаро встали по бокам от меня, сели на корточки и начали нашептывать на уши. Каждый говорил что-то свое, тем не менее у меня не было затруднений в следовании их командам. Это было как будто я стал "расщеплен" в мгновение, когда они вымолвили первое слово. Я чувствовал, что они делают со мной то же, что и с Паблито. Дон Генаро заставил меня крутиться, и затем у меня было тщательно осознанное ощущение вращения или плавания на мгновение. Следующим я бросился сквозь воздух, планируя вниз к земле с огромной скоростью. Я чувствовал, что падаю и моя одежда треплется, затем мое тело отлетело, и только голова осталась. У меня было очень ясное чувство, что, как только мое тело расчленилось, я потерял свой чрезмерный вес и тем самым падение потеряло свою энергию, и его скорость уменьшилась. Мое снижение перестало быть вертикальным. Я начал двигаться вперед и назад словно лист. Затем голова сбросила свой вес, и то, что осталось от "меня" был квадратный сантиметр, самородок, тонкий камешек остатка. Все мои чувства концентрировались там, затем самородок, казалось, вспыхнул, и стал тысячью кусков. Я знал, или что-то как-то знало, что я знал в тысяче кусках одновременно. Я был знание само.

Затем некоторая часть этого знания начала шевелиться, она росла, увеличивалась. Она стала локализована, и мало по малу я обрел чувство границ, сознания или чего-то подобного, и внезапно «я», которое я знал и с которым был знаком, изверглось в наиболее эффективный вид всех мыслимых комбинаций "прекрасных" чувств. Это было, как будто я смотрел на тысячу кусочков мира, людей, вещей.

Затем сцены стали неясными. У меня было ощущение, что они проносятся перед глазами со страшной скоростью, пока я стал не в состоянии выделить ни одну из них для обозрения. В конце концов я, как будто, стал очевидцем организации мира, крутящегося перед глазами в неразрывной, бесконечной цепи.

Я внезапно обнаружил себя, стоящим на скале с доном Жуаном и доном Генаро. Они шептали, что возвратили меня обратно, и что я наблюдал неизвестное, о чем никто не может ничего сказать. Они сказали, что собираются вернуть меня туда еще раз, и что должен позволить крыльям моего восприятия развернуться и трогать *тонал* и *негуал* одновременно без того, чтобы быть осведомленным о движении туда-сюда от одного к другому.

Я опять испытал чувства бросания, кручения и падения со страшной скоростью. Затем я взорвался. Я рассыпался. Что-то во мне иссякло, что-то освободилось, что я держал запертым всю свою жизнь. Я был совершенно осведомлен, что мое хранилище секрета проколото и несдерживаемо очищается. Не было больше очаровательного единства, которое я называл «я». Не было ничего, и все-таки это ничто наполнялось. Эта не были свет или темнота, холод или тепло, приятное или неприятное. Не то, чтобы я двигался или плавал или стоял, не то, чтобы был единой частью как обычное существо, и был мириадами себя, которые все были "мною", колонии отдельных звеньев, неизбежно формирующих одно осознание, мое человеческое осознание. Не то, чтобы я *знал* это без тени сомнения, но все мои отдельные осознания *знали*, что «я» моего знакомого мира есть колония, конгломерат отдельных, независимых ощущений, имеющих несгибаемую солидарность каждая с каждой. Эта солидарность, верность частей друг другу была моей жизненной силой.

Путь описания этого объединенного ощущения может быть заявлением, что эти самородки осознания рассыпались, каждый из них знал о себе, и ни один не доминировал над другим. Затем что-то зашевелило их, и они соединились и образовали область, где все они собрались в одну глыбу "меня", которое я знал. Как "я сам", затем я мог наблюдать согласованную сцену мировой активности, или сцену, которая относилась к другим мирам, и которая, я полагал, должна была быть чистым воображением или сценой, принадлежащей к "чистому мышлению" обозрения интеллектуальных систем или идей, связанных вместе как вербализации. В некотором смысле я говорил со своим сердечным содержанием. После каждого из этих связанных видений «я» рассыпался и становился опять ничем.

В процессе одного из таких входов в согласований взгляд, нашел себя на скале с дон Жуаном. Я мгновенно осознал, что стал опять целым «я», с которым был знаком, и чувствовал себя физически реальным. Я был скорее в мире, чем просто смотрел на него.

Дон Жуан крепко обнял меня как ребенок. Он смотрел на меня. Его лицо было очень близко. Я мог видеть его глаза в темноте. Они были добрыми. Казалось, что они содержали вопрос. Я знал, что это было. Невысказываемое было действительно невысказываемым.

— Порядок? — спросил он мягко, как будто ему требовалось мое подтверждение.

Я потерял способность говорить. Слова "онемели", "были поражены", "смешались", не было подходящего каким-либо образом описания моих чувств в этот момент. Я был не объединен. Я знал, что дон Жуан должен схватить меня и держать с силой на земле, иначе я поплыл бы в воздухе и растворился. Я не был испуган исчезновением. Я принадлежал *незнаемому*, где мое осознание не было объединено.

Дон Жуан медленно повел меня, давя на оба мои плеча к месту около дома дона Генаро. Он заставил меня лечь ничком и затем покрыл меня мягкой почвой из ямы, которую он, видимо, приготовил заранее. Он покрыл меня сверху до затылка. Из листьев он сделал мягкую подушку для отдыха моей голове и сказал мне не двигаться и не засыпать совсем. Он сказал, что собирается сидеть здесь, составляя мне кампанию, пока земля опять не консолидирует мою форму.

Я чувствовал очень удобно и почти непреодолимое желание спать, но дон Жуан не позволил мне. Он требовал, чтобы я говорил о чем угодно под солнцем, исключай то, что испытал. Я не знал, с чего начать и спросил о доне Генаро. Дон Жуан сказал, что дон Генаро взял Паблито и схоронил его где-то невдалеке и делает с ним то же самое.

У меня было желание поддержать разговор, но что-то во мне было незавершено. У меня было необычное безразличие, усталость, большая чем скука. Казалось, дон Жуан знал, что я чувствую. Он начал говорить о Паблито, как наши судьбы пересеклись. Он сказал, что стал *бенефектором* для Паблито в то же время, как дон Генаро стал его учителем, и что *пауа* спарила Паблито и меня шаг за шагом. Он сделал выразительное замечание, что единственная разница между Паблито и мною состоит в том, что мир Паблито как *воина* управляется насилием и страхом, а мой — действием и свободой. Дон Жуан объяснил, что такая разница соответствовала внутренним различиям персональностей *бенефекторов*. Дон Генаро был приятен, действенен и шутлив, в то время как он сам был сух, авторитарен и прям. Он сказал, что моя персональность требовала строгого учителя и мягкого *бенефектора*, а Паблито был противоположенностью, он требовал доброго учителя и строгого *бенефектора*.

Мы поговорили еще немного и настало утро. Когда солнце подвилось из-за гор, он помог мне выбраться из-под земли.

После того, как я проснулся рано пополудни, дон Жуан и я сели около двери дома дона Генаро. Дон Жуан сказал, что дон Генаро все еще с Паблито, приготавливая его к последнему столкновению.

— Завтра ты и Паблито уйдете в Незнаемое, — сказал он. — И я должен подготовить тебя к этому сегодня. Ты пойдешь туда сам. Прошлой ночью вы были как «йо-йо»-существа, толкаемые туда-сюда, завтра вы должны

будете полагаться только на себя. У меня начался прилив любознательности и вопросы о моем ночном опыте просто высказывали из меня.

— Сегодня я завершил решающий маневр, — сказал он. — Я сыграл трюк с тобой последний раз, и ты должен попасться на эту удочку. — Он рассмехался и хлопнул себя по бедрам.

— То, что дон Генаро хотел показать тебе первым упражнением другой ночью — это как *сосеры* используют *негуал*, — продолжал он. — Нет пути прийти к *сосер-объяснению*, пока сам по своей воле не используешь *негуал* или, скорее, пока по своей воле не используешь *тонал*, чтобы выделить ощущения своих действий в *негуале*. Другой путь сделать это ясным — это сказать, что вид *тонала* должен превалировать, если кто-то собирается использовать *негуал*, как это делают *сосеры*.

Я сказал ему, что нахожу явное несоответствие в том, что он только что сказал. С одной стороны, два дня назад он дал мне точное резюме учебных действий за многолетний период, действий, замысленных, чтобы воздействовать на мой взгляд на мир. С другой стороны, он хочет, чтобы этот взгляд превалировал.

— Одна вещь не имеет ничего общего по отношению к другой, — сказал он. — Только наши действия имеют последовательность, только они являются лестницей, где можно делать шаги. Нет ничего подобного в *негуале*. Тем самым точка зрения *тонала* является инструментом и, как таковая, является не только лучшим инструментом, но и единственным, который нам доступен.

Прошлой ночью твой *пузырь восприятия* открылся и его *крылья* развернулись. Нет ничего другого, что можно сказать об этом. Невозможно объяснить, что случилось с тобой, поэтому я и не собираюсь пытаться, и ты не должен этого делать. Было бы достаточным сказать, что *крылья твоего восприятия* коснулись твоей *тотальности*. Прошлой ночью ты двигался взад-вперед от *негуала* к *тоналу* снова и снова. Ты был ввергнут в это дважды, чтобы не оставить возможности для ошибки и сомнения. Второй раз ты испытал полное воздействие поездки в неизвестное, и твое восприятие развернуло свои *крылья*, когда нечто в тебе обнаружило свою истинную природу. Ты есть *гроздь*.

Это *сосер-объяснение*. *Негуал* невысказываем. Все возможные чувства, существа и личности плавают в нем как баржи, умиротворенно, неизменно, навеки. Затем проблеск жизни связывает некоторые из них вместе. Ты сам обнаружил это прошлой ночью и также Паблито и также Генаро в свое время, когда он путешествовал в неизвестное, и также я. Когда блеск жизни связывает эти чувства вместе, существо создается, существо, которое теряет чувство своей истинной природы и становится ослепленным сиянием и шумом того, где существа обитают, *тонала*. Существа, однажды брошенные в *тонал* силой жизни, связывающей все необходимые чувства вместе. Я сказал тебе однажды, что *тонал* начинается с рождения и заканчивается со смертью. Я сказал это так как знаю, что как только сила жизни покидает тело, все эти единичные сознания рассыпаются и возвращаются туда, откуда, пришли, в *негуал*. То, что *воины* делают при путешествии в неизвестное, очень похоже на умирание за исключением того, что *гроздь* единичных чувств не рассыпается, а распространяется немного без потери сво-

его объединения. При смерти, однако, они утопают глубже и двигаются независимо, как будто никогда не были связаны вместе.

Я хотел сказать ему, что его утверждение полностью соответствует моему опыту, но он не позволил мне говорить.

— Нет способа сослаться на незнание, — сказал он. Можно только наблюдать его. *Сосер-объяснение* говорит, что каждый из нас имеет центр, от которого *негуал* может наблюдаться — это *вилл*. Итак воин может путешествовать в *негуал* и позволить своей *грозди* организовываться и дезорганизовываться самой любым возможным способом. Я говорил тебе, что выражение *негуала* является индивидуальным. Я имел в виду, что это задумка индивидуальности самого *воина* направить организацию и дезорганизацию *грозди*. Человеческая форма и человеческое чувство является исходным, возможно это прекраснейшая для нас из всех форм. Есть, однако, бесчисленное число альтернативных форм, которые *гроздь* может принимать. Я говорил тебе, что *сосер* может принимать любую форму, которую он желает. Это правда. *Сосер*, который обладает *тотальностью себя*, может направлять части своей *грозди* к соединению в любой мыслимой форме. Сила жизни есть то, что делает эту уловку возможной. Но как только сила жизни иссякает, нет способа воссоединить эту *гроздь*.

— Я называл эту *гроздь* *пузырем восприятия*. Я также сказал, что он запечатан, плотно закрыт и никогда не открывается до момента нашей смерти. Теперь ты можешь заставить его открыться. *Сосеры*, очевидно, изучают этот секрет, и, хотя не все из них достигают *тотальности себя*, они знают о такой возможности. Они знают, что *пузырь* открывается только когда погружается в *негуал*. Вчера я дал тебе резюме всех шагов, которым ты следовал, чтобы прибыть в эту точку.

Он прервался, как бы ожидая вопросов или комментариев. То, что он сказал, было выше комментариев. Я понял, что не было бы последствий, если бы он сказал мне это все 14 лет назад, или же в любой другой точке моего ученичества. Как предпосылка к его объяснению важен был факт, что ощутил с или в моем теле.

— Я жду твоих обычных вопросов, — сказал он, медленно произнося слова.

— Каких вопросов? — спросил я.

— Тех, которые щекочут твой рассудок произнести.

— Сегодня я исчерпал все вопросы, у меня действительно нет ни одного, дон Жуан.

— Это нечестно, — сказал он улыбаясь. — Есть один особенный вопрос, который нужно, чтобы ты спросил.

Он сказал, то если я выключу свой внутренний диалог только на мгновение, то смогу определить, что это за вопрос. У меня появилась внезапная мысль, моментальное просветление, и я знал, что он хочет.

— Где было мое тело, когда это случилось со мной, дон Жуан? — спросил я, и он грохнулся в животный смех.

— Это последний *сосер-трюк*, — сказал он. — Давай скажем, что то, что я собираюсь открыть тебе, является последним кусочком *сосер-объяснения*. Вплоть до этой самой точки твой рассудок случайно следовал за моими действиями. Твой рассудок желает допустить, что мир — это не описание, его представляющее, что есть много больше, чем встречают глаза. Твой рассудок почти желает и готов допустить, что твое восприятие ходило вверх и вниз по скале, или что-то в тебе или даже весь ты прыгал к подножию каньона и исследовал глазами *тонал*, который там был, как будто бы ты телесно спускался с помощью веревки и лестницы. Этот факт исследования дна ущелья был короной всех этих лет тренировки. Ты делал это хорошо. Генаро видел кубический сантиметр шанса, когда бросил камень в тебя, находившегося на дне ущелья. Я *видел* все. Генаро и я знали без сомнения, что ты готов к броску в неизвестное. В этот момент ты не только *видел*, но и *знал* все о *двойнике*, о другом.

Я прервал его и сказал, что он дает мне незаслуженный кредит на что-то, что выше моего понимания. Его реплика сводилась к тому, что мне нужно время, чтобы все эти впечатления улеглись, и как только я сделаю это, ответы будут совершенно сны для меня в той же степени, как в прошлом для меня были ясны вопросы.

— Секрет *двойника в пузыре восприятия*, который в твоём случае этой ночью был на вершине скал и на дне ущелья в одно и то же время, — сказав он. *Гроздь чувств* может быть заставлена собраться внезапно, где угодно. Другими словами, можно ощущать здесь и там одновременно.

Он понуждал меня думать и вспомнить последовательность действий, которые, сказал он, были столь обычны, что я почти забыл их.

Я не знал, о чем он говорит. Он требовал, чтобы я постарался сильнее.

— Думай о твоей шляпе, — сказал он, — и о том, что Генаро делал с ней.

У меня был шокирующий момент осознания. Я забыл, что дон Генаро действительно хотел, чтобы снял свою шляпу, так как ее могло сорвать ветром. Но я не желал позволить ему сделать это. Я чувствовал себя глупо, будучи полностью обнаженным. Одевание в шляпу, чего обычно я не делал никогда, давало мне чувство чужеродности. Я не был действительно самим собой, в случае чего, будучи без одежды, не бил так смущен. Дон Генаро предпринял затем попытку сменить шляпу на мне, но его была слишком мала для моей головы. Он шутил о размере моей головы и пропорциях моего тела, и в конце он снял мою шляпу с меня и напялил мне на голову старое пончо, подобное тюрбану.

Я сказал дон Жуану, что забыл об этой последовательности, которая, уверен, случилась между так называемыми прыжками. И тем не менее память о этих прыжках оставалась как единое, которое не прерывалось.

— Они определенно были непрерывными единицами, и то же относится к действиям дона Генаро с твоей шляпой, — сказал он. Эти две памяти не могут быть заставлены идти одна за другой, потому что они случились в одно и то же время.

Он заставил пальцы своей левой руки двигаться, как будто они не могли попасть в пространство между пальцами правой руки.

— Эти прыжки — только начало, — продолжал он. — Затем идет твоя истинная экскурсия в незнаемое. Прошлой ночью ты испытал невысказываемое, *негуал*. Твой рассудок не может победить физическое знание, что ты есть безымянная *гроздь чувств*. Твой рассудок в этом пункте может даже допустить, что есть другой центр объединения — *вилл*, через который возможно судить или достигать и использовать экстраординарные эффекты *негуала*. В конце найдет просветление на твой рассудок, где можно отражать *негуал* через *вилл*, хотя он никогда не сможет объяснить это.

— Но затем пришел твой вопрос: где я был, когда все это происходило? Где было мое тело? Заключение, что это реальный ты, является результатом того факта, что ты объединяешь все, что имеешь вокруг твоего рассудка. В этом пункте твой рассудок допускает, что *негуал* неопределяем не потому, что очевидные свидетельства заключают это, а потому, что безопаснее допустить это. Твой рассудок на безопасной почве, все элементы *тонала* на его стороне.

Дон Жуан сделал паузу и пугающе посмотрел на меня. Его улыбка была доброй.

— Давай вернемся к месту предрасположенности дона Генаро. — сказал он внезапно. Он встал и пошел к камню, где мы беседовали два дня назад. Мы удобно у ourselves на тех же точках спиной против камня.

— Заставить твой рассудок чувствовать безопасность всегда является задачей учителя, — сказал он. — Я хитрил с твоим рассудком с уверованием в то, что *тонал* расчётлив и предсказуем. Генаро и я трудились, чтобы создать у тебя впечатление, что только *негуал* выше скопища объяснений. Доказательством удачности проведения этой уловки является то, что до настоящего момента, несмотря на все, через что ты прошел, тебе кажется, что есть скорлупка, которую ты можешь провозгласить как свою собственную — твой рассудок. Это мираж. Твой точнейший рассудок всего лишь центр объединения, зеркало, отражающее что-то, что вне его. Прошлой ночью ты был очевидцем не только неопределяемого *негуала*, но также и неопределяемого *тонала*. Последний *кусочек сосер-объяснения* говорит, что рассудок, в основном, отражает внешний порядок, и что рассудок не знает ничего об этом порядке, он не может объяснить его, тем же путем он не может объяснить *негуал*. Рассудок может только наблюдать эффекты *тонала*, о никогда не может даже понять или разгадать их. Самый факт состоит в том, что мы думаем и разговариваем, указывая порядок, которому мы следуем, даже не зная, как мы это делаем или что это есть за порядок.

На это я привел идею западных исследователей работы мозга как возможность объяснить, что это за порядок. Он указал, что все, что это исследование делает, это удостоверяет, что что-то случается.

— *Сосеры* делают ту же вещь со своим *вилл*, — сказал он, — и говорят, что через *вилл* они могут наблюдать эффекты *негуала*. Я могу добавить теперь, что через рассудок, без относительно к тому, что мы делаем с ним или как мы делаем, мы, главным образом, наблюдаем эффекты *тонала*. В обоих случаях нет надежды даже понять или объяснить, что же мы наблюдаем.

Прошлой ночью ты первый раз полетел на *крыльях* своего *восприятия*. Ты все еще очень робок. Ты путешествовал только в рамках человеческого

восприятия. *Сосер* может использовать эти крылья, чтобы коснуться других чувствований, вороньих к примеру, койотовых, сверчковых или порядка других миров в этом бесконечном пространстве.

— Имеешь ли ты в виду другие планеты, дон Жуан? — спросил я.

— Конечно. *Крылья восприятия* могут взять нас в наиболее глубокие пределы *негуала* или в недоступные миры *тонала*.

— Может ли *сосер* попасть на луну, к примеру?

— Конечно, он может, — заметил он. — Но он не способен принести оттуда назад мешок, камней. — Мы рассмеялись и пошутили об этом, но его утверждение было сделано с чрезвычайной серьезностью.

— Мы прибыли к конечной части *сосер-объяснения* — сказал он. — Прошлой ночью Генаро и я показали тебе последние две точки, которые завершают *тотальность* человека, *тонал* и *негуал*. Я как-то говорил тебе, что эти две точки вне нас, тем не менее, не вне. Это парадокс *светящихся существ*. *Тонал* каждого из нас есть всего лишь отражение неопишуемого незнаемого, наполненного порядком. *Негуал* каждого из нас есть всего лишь отражение неопишуемой пустоты, которая содержит все.

— Теперь мы должны сидеть да *месте предрасположенности* Генаро до сумерек. Затем тебе необходимо загнать *сосер-объяснение* на место. Сидя здесь сейчас ты не обладаешь ничем, кроме силы твоей жизни, которая связывает *гроздь чувств*. — Он встал.

— Завтрашняя задача — погрузиться в незнаемое самому, в то время как Генаро и я будем наблюдать тебя без прерывания, — сказал он. — Сиди здесь и выключи свой внутренний диалог. Ты можешь собрать *пауу*, которая необходима для раскрытия *крыльев* твоего *восприятия* и лететь в эту бесконечность.

Глава 4. Предрасположенность двух воинов

Дон Жуан разбудил меня на рассвете. Он передал мне бутылку из тыквы, наполненную водой и сумку с сухим мясом. Мы прошли в молчании пару миль до места, где я оставил машину двум днями ранее.

— Эта прогулка — наше последнее путешествие вместе, — сказал он спокойным голосом, когда мы достигли моей машины.

Я почувствовал сильный толчок в животе. Я знал, что он имел в виду. Он вытянулся напротив заднего крыла, как только я открыл заднюю дверь и посмотрев на меня с выражением, как будто никогда не был здесь ранее. Мы забралась в машину, но, прежде чем я включил мотор, он сделал несколько туманных замечаний о том, что

мы имеем несколько минут посидеть в машине и прикоснуться вновь к некоторым чувствам, очень личным и мучительным.

Я сидел спокойно, но моя душа была в волнении. Я хотел сказать что-то ему, нечто, что существенно успокоило бы меня. Я тщетно искал подходящие слова, формулу, которая могла бы выразить то невысказанное, что я *знал*.

Дон Жуан заговорил о маленьком мальчике, которого я однажды знал, и как мои чувства к нему не изменились с годами и расстоянием. Дон Жуан сказал, что умерен, что каждый раз, когда я думаю о маленьком мальчике, моя душа радостно вздымается и без тени мелочности и эгоизма желает ему всего лучшего.

— Он напомнил мне историю, которую я как-то рассказал ему, и которая ему понравилась как имеющая глубокое значение. В ходе одного нашего брожения по горам вокруг Лос-Анджелеса маленький мальчик устал идти, поэтому я позволил ему забраться мне на плечи, волна сильного счастья наполнила нас, когда малыш выкрикивал свои благодарности солнцу и горам.

— Это был его способ сказать прощай тебе, — заметил дон Жуан.

Я сочувствовал, как комок подкатился к горлу. — Существует много путей сказать прощай, — продолжил он. — Наилучший из них, пожалуй, состоит в сохранении собственного воспоминания о радости. К примеру, если ты живешь как *воин*, то тепло, которое ты чувствуешь, когда малыш едет на твоих плечах, будет сухим и резким в течение всей жизни. Это *воинский* путь, чтобы сказать прощай.

Я торопливо включил мотор и поехал быстрее чем обычно по полуурамбованной каменистой земле, пока мы не достигли немощеной дороги.

Мы проехали еще немного и затем остаток пути проделали пешком. Спусти около часа мы достигли леса. Дон Генаро, Паблито и Нестор ждали нас. Я приветствовал их. Все они казались счастливыми и бодрыми. Посмотрев на них и дон Жуана, я переполнился глубоким чувством симпатии ко всем им. Дон Генаро обнял меня и похлопал энергично по спине. Он сказал Нестору и Паблито, что я чудесно исполнил прыжки на дно ущелья. Держа руку на моем плече, он обратился к ним низким голосом.

— Да, сэр, — сказал он, смотря на них. — Я его *бенефектор* и знаю, что это действительно достижение, это — венец жизни подобно *воину*. — Он развернул меня, положил другую руку мне на плечо. Его глаза были сияющими и мирными.

— Не осталось ничего, что я мог бы еще сказать тебе, Карлито, — продолжил он, медленно произнося слова, — за исключением того, что в твоих внутренностях чрезвычайно большое количество говна.

Вслед за этим он с дон Жуаном согнулись, давась от смеха, пока почти не выдохлись. Паблито и Нестор нервно хихикали, не зная точно, что делать.

Когда дон Жуан и дон Генаро успокоились, Паблито сказал мне, что он не уверен в своей способности войти в незнаемое самостоятельно.

— У меня действительно нет ни малейшей идеи как это сделать, — сказал он. — Генаро сказал, что не нужно ничего, кроме *безупречности*. Что он имел в виду?

Я ответил, что знаю даже меньше, чем он. Нестор сделал знак и казался действительно встревоженным. Он двигал руками и ртом нервно, как будто хотел сказать что-то важное, но не знал как.

— Генаро сказал, что вы оба сделаете это, — наконец вымолвил он.

Дон Генаро сделал знак рукой, что мы уходим. Он и дон Жуан шли вместе, в нескольких ярдах впереди нас. Мы двигались горной тропинкой почти весь день. Мы шли в полном молчании без остановок, у каждого из нас было сушеное мясо и тыква с водой, и это значило, что мы можем есть на ходу. С некоторого времени тропинка определенно стала дорогой. Она петляла по склонам горы, и внезапно перед нами открылся вид на долину. Это был захватывающий дыхание вид. Длина, зеленая долина сияла на солнце, две грандиозные дождевые тучи висели над ней, и трассы дождя спускались на окружающие холмы.

Дон Жуан остановился и выставил свой подбородок чтобы указать дону Генаро на что-то внизу в долине. Дон Генаро встряхнул головой. Это был не утвердительный и не отрицающий жест, это было скорее похоже на вздергивание головы. Оба они замеряли, уставившись в долину на долгое время.

Мы свернули с дороги, казалось, для сокращения пути, и начали спуск по более узкому и рискованному пути, который вел к северной части долины.

Когда мы достигли выполаживания было около трех-четырёх часов дня. Сильный запах речной ивы и сырой грязи окружил меня. На мгновение дождь подобно сухому зеленому грохоту обрушился на ближайшие деревья, затем он стал только дребезжанием в тростнике. Я услышал шуршание потока и остановился на мгновение послушать. Я взглянул на верхушки деревьев — высокие перистые облака на западном горизонте были похожи на хлопья хлопка, размотанные в небе. Я довольно долго стоял, наблюдая облака, пока впереди меня не затихли все звуки. Я бросился догонять.

Дон Жуан и дон Генаро остановились и повернулись в унисон, их глаза двинулись и сфокусировались на мне с такой синхронностью и точностью, как будто принадлежали одному человеку. Это был короткий, изумленный взгляд, пославший мурашки по моей спине. Затем дон Генаро рассмеялся и сказал, что я бежал чертовски тяжело как 300-фунтовый плоскостопный мексиканец.

— Почему мексиканец? — спросил я.

— Плоскостопный 300-фунтовый мексиканец не бежит. — сказал дон Генаро, в нравоучительном тоне.

— О-о! — ответил дон Жуан, как будто дон Генаро действительно объяснил что-то.

Мы пересекли буйную зеленую долину и взобрались в горы на восток. Ранним вечером мы, наконец, остановились на вершине плоской бесплодной местности, возвышавшейся над высокой долиной, расположенной с юга. Растительность резко изменилась. Скругленные выветренные горы возвышались вокруг. Земля в долине и на склонах холмов возделывалась, но, тем не менее, общий вид будил во мне чувства бесплодности.

Солнце было почти над горизонтом в юго-западном направлении. Дон Жуан и дон Генаро позвали нас на северный край плато. С этой точки вид был превосходным: бесконечная долина, горы на севере и ряд высоких горных цепей на запад. Солнечный свет отражался на далеких северных горах, делая их оранжевыми, подобно цвету кучевых облаков на западе. Этот пейзаж, несмотря на свое очарование, был печален и одинок.

Дон Жуан передал мне мои письменные принадлежности, но у меня не было настроения писать. Мы сели в полукруге с дон Жуаном и доном Генаро по краям.

— Ты начал путь *знания*, записывая, и ты должен закончить таким же образом, — сказал дон Жуан. Все они понуждали меня писать, как будто это занятие было существенным.

— Ты на самом краю Карлитос, — внезапно сказал дон Генаро, — ты и Паблито оба. — Его голос был мягок. Без шутивого тона он начал добро и озабоченно.

— Путешествия других *воинов* в незнаемое начинались на этой самой точке, — продолжил он. — Они все желают вам всего хорошего.

Я почувствовал рябь вокруг меня, как будто воздух был полутвердым, и нечто создавало волны, которые пробегали через него. — Все мы здесь желаем вам двоим добра, — сказал он. — Нестор обнял Паблито и меня и затем сел отдельно от нас..

— У нас есть еще некоторую время, — сказал дон Жуан, глядя на небо. Затем, повернувшись ж Нестору, он опросил, — Что мы должны делать в перерыве?

— Мы должны смеяться и веселить сами себя, — ответил Нестор оживленно.

Я сказал дон Жуану, что боюсь ждущего меня и что вероятнее всего всем этим со мной он проводит очередной трюк. Я даже не мог вообразить, что могла существовать ситуация, в которой оказались мы с Паблито. Я сказал, что нечто действительно угрожающее овладело мною и мало по малу толкает меня, пока я не окажусь лицом к лицу с чем-то, возможно худшим, чем смерть.

— Ты жалуешься, — сказал дон Жуан сухо. — Ты чувствуешь себя виноватым перед собой до последней минуты.

Они все рассмеялись, он был прав. Что за непобѣдимое убеждение! Я просил их всех простить мой идиотизм.

— Брось извиняться, — сказал дон Жуан. — Извинения есть нонсенс. То, что действительно существенно — это быть *безупречным воином* в этом уникальном месте *пауы*. Это место видело прекрасных *воинов*. Будь же также прекрасен как они. Затем он обратился к нам обоим.

— Вы уже знаете, что это последняя задача, в которой мы будем вместе, — сказал он. — Вы войдете в *негуал* и *тонал* посредством только силы вашей личной *пауы*. Генаро и я здесь только, чтобы пожелать вам счастливого пути. *Пауа* определяет, что Нестор должен быть очевидцем. Да будет так.

— Это будет также последний ваш перекресток, который, я и Генаро посетим. Как только вы войдете сами в неизвестное, вы не сможете полагаться на нас, чтобы возвратить вас обратно, поэтому решение обязательно: вы должны решить возвращаться или нет. Мы уверены, что у вас достаточно силы вернуться, если вы выберете это. Прошлой ночью вы были полностью способны совместно или по отдельности отшвырнуть *эллай*, иначе он мог разбить вас насмерть. Это был тест на вашу силу.

— Я должен также добавить, что мало *воинов* переживают встречу с неизвестным, что вы собираетесь сделать, не только потому, что это трудно, но потому, что *негуал* соблазнителен сверх любого заявления, и *воины*, которые путешествуют в него, находят, что возвратиться в *тонал* или мир порядка с шумами боли, есть наиболее непривлекательное дело.

— Решение остаться или возвратиться производится чем-то в нас, что не наш расудок или желание, но наш *вилл*, поэтому нет способа узнать исход заранее.

— Если вы выберете не возвращаться, то исчезнете, как будто земля проглотит вас. Но если вы выберете вернуться на эту землю, то должны ждать как истинные *воины*, пока ваши собственные задачи не окончатся. Когда они закончатся или успехом или поражением, вы должны будете командовать своей *тотальностью*.

Дон Жуан сделал паузу. Дон Генаро посмотрел на меня и подмигнул.

— Карлитос хочет знать, что значит заставить командовать *тотальностью* себя, — сказал он и все засмеялись.

Он был прав. При других обстоятельствах я должен был спросить об этом. Ситуация, однако, была слишком торжественна для вопросов.

— Это значит, что *воин* наконец встречает *пауу*, — сказал дон Жуан. — Никто не может сказать, что каждый *воин* сделал бы с ней. Возможно вы двое будете странствовать мирно и незаметно по лику Земли, или, возможно, вы возвратитесь, чтобы быть ненавистными людьми, или, возможно, известными или добрыми. Все это зависит от вашей *безупречности* и свободы вашего духа.

— Важна вещь, однако, это ваша задача. Это дар, преподносимый учителем и *бенефактором* своим ученикам. Я горд, что вы двое преуспели в принятии ваших задач к кульминации.

— Ожидание исполнения этой задачи — очень специфичное ожидание, — внезапно сказал дон Генаро. — И я собираюсь рассказать вам историю о банде воинов, которые жили в другое время в горах, где-то в этом направлении.

Он небрежно указал на восток, но затем, после мгновенного колебания, казалось, изменил свои соображения и, встав, указал на удаленные северные горы.

— Нет. Они жили в этом направлении, — сказал он, глядя на меня и улыбаясь с видом учености. — Точно сто и тридцать пять километров отсюда.

Дон Генаро вероятно имитировал меня. Его рот и лоб были сжаты, его руки твердо соединены перед грудью, держа некоторый воображаемый предмет, представляющий, наверное, мой блокнот. Он сохранял чрезвычайно смехо-

творную позу. Однажды я встретил немецкого ученого, синтолога, который выглядел точно так же. Мысль, что я все время мог, неосознавая этого, имитировать гримасы немецкого синтолога, была чрезвычайно смешна. Я рассмеялся. Казалось, что эта шутка была только для меня. Дон Генаро сел опять и продолжил свою историю. — Когда член этой шайки воинов подозревался в совершении действий, противоречащих их правилам, то его участь выносилась на общее решение. Обвиняемый должен был объяснить причины того, что он совершил. Его товарищи выслушивали его, и затем они или расходились, так как находили его рассуждения оправдательными, или же они выстраивались на самом краю плоскогорья, очень похожего на эти горы, где мы сидим сейчас, готовые вынести свой смертный приговор, так как находили его рассуждения неоправдательными. В этом случае приговоренный воин должен был попроситься со своими товарищами и экзекуция начиналась.

Дон Генаро посмотрел на меня и Паблито, как будто ожидая знака от нас. Затем он повернулся к Нестору.

— Может быть здешний свидетель сможет сказать нам, какое отношение имеет эта история к этим двум, — сказал он Нестору.

Нестор улыбнулся смущенно и, казалось, на мгновение погрузился глубоко в мысли.

— У свидетеля нет идеи, — сказал он и разразился нервным смешком.

Дон Генаро попросил всех встать и пойти с ним посмотреть с западного края плато.

— Там был пологий склон, идущий в низину, где была узкая полоска земли, оканчивающаяся оврагом, который казался естественным каналом движения дождевой воды. Точно там, где канава, был ряд деревьев в горах этой истории, — продолжил он. — Выше этой точки был густой лес. После прощания со своими товарищами, воин начинал идти вниз по склону к деревьям, а его товарищи тем временем взводили к курки и направили оружие на него. Если никто не стрелял или же воин выживал после полученных ран и достигал границы леса — он был свободен.

Мы затем вернулись на место, где сидели раньше.

— Как сейчас, свидетель? — спросит он Нестора. — Можешь ли ты сказать?

Нестором овладел приступ нервозности. Он снял шляпу и почесал голову. Затем он закрыл лицо руками.

— Как может бедный свидетель знать? — наконец ответил он в вызывающем тоне и рассмеялся со всеми вместе.

— Они сказали бы, что это человек, который прошел через нее непострадавшим, — продолжил дон Генаро. — Можно сказать, что его личная *науа* воздействовала на его товарищей. Волна прошла через них, когда они направили оружие на него, и не один из них не отважился его использовать.

— Или же, возможно, они были потрясены его смелостью и не смогли причинить ему вреда. — Дон Генаро посмотрел на меня Паблито. — Это условия, установленные для движения к краю деревьев, — продолжил он. — Воин должен идти молча, искренне. Его шаги должны быть уверены и твер-

ды, его глаза должны смотреть прямо, вперед спокойно. Он должен идти вниз, не спотыкаясь, не оглядываясь назад и, сверх всего, не бросаясь вниз бежать.

Дон Генаро сделал паузу. Паблито следовал за его словами, кивая.

— Если вы решите вернуться на эту землю, — продолжил он, — вы должны ждать как истинные *воины*, пока ваши задачи не будут выполнены. Это ожидание очень похоже на движение воина в рассказах. Вы понимаете, что воин убежал из человеческого времени, и также делаете вы. Единственная разница состоит в том, кто вооружился против вас. Те, кто поднял оружие на воина, были его собственные товарищи. Но то, что подняло оружие на вас, есть неизвестное. Единственный ваш шанс — это ваша *безупречность*. Вы должны, ждать, не оглядываясь. Вы должны ждать, не рассчитывая на награду. Вы должны вооружиться всей вашей личной *пауой* для выполнения вашей задачи.

— Если же вы не будете действовать *безупречно*, если вы начнете колебаться, станете нетерпеливыми и отучавшимися, то вы будете безжалостно отрублено снайперами из неизвестного. Если же, с другой стороны, ваша *безупречность* и личная *пауа* настолько велики, что способны выполнить ваши задачи, то вы достигните перспектив, предоставляемых *пауой*. И что же это за перспективы? — можете вы спросить. Это перспективы, которые *пауа* предоставляет людям как *светящимся существам*. Каждый *воин* имеет собственную, судьбу, поэтому нет возможности сказать, что будет обещано каждому из вас.

Солнце готовилось садиться. Световой оранжевый оттенок на удаленных северных горах стал темнее. Пейзаж порождал во мне чувство выметенного ветром одинокого мира.

— Ты выучил, что спинным хребтом *воина* должны быть скромность и эффективность, — сказал дон Генаро, и его голос заставил меня вскочить. — Ты выучился действовать без ожидания чего-нибудь взамен. Теперь я скажу тебе, что для того, чтобы противостоять ждущему тебя впереди с этого дня, тебе нужна вся твоя предельная сдержанность.

Я ощутил спазм в животе. Паблито начал быстро трястись.

— *Воин* должен быть всегда готов, — сказал он. — Судьба всех из нас здесь состоит в знании того, что мы пленники *пауы*. Никто не знает зачем, но это великая фортуна!

Дон Генаро замолчал и склонил голову, как будто выдохся. Впервые я слышал его, выражающимся таким образом.

— Это обязательно, чтобы *воин* здесь сказал прощай всему, здесь присутствующему, и всему, что остается позади, — внезапно вступил дон Жуан. — Он должен сделать это своим собственным голосом и словами, громко, так, чтобы его голос остался здесь навсегда в этом месте *пауы*.

Голос дон Жуана принес новое измерение в мое состояние в этот момент. Наш разговор в машине стал значительно более ясным. Он был прав, когда сказал, что безмятежность пейзажа вокруг нас — всего лишь мираж, и что *сосер-объяснение* доставляет бросок, которого никто не способен парировать. Я слышал *сосер-объяснение* и испытал его обещания, и я был здесь

более голым и более беспомощным, чем когда-либо в своей жизни. Ничего из того, что я когда-нибудь делал или воображал, не могло даже сравниться с мучением и одиночеством в данный момент. Дон Жуан был опять прав, когда говорил, что *воин* не может избежать боли и печали но только может избежать *погрязания* в них. В этот момент моя печаль была несдерживаема. Я не мог сказать прощай тем, которые разделили со мной повороты моей жизни. Я сказал дон Жуану и дону Генаро, что заключил договор умереть с кем-то и вместе, и что моя душа не может вынести ухода одному.

— Мы все одни, Карлитос, — сказал дон Генаро мягко. — Это наши условия.

Я почувствовал в горле мучительную боль моей страсти к жизни и к тому, что близко мне. Я отвергал сказать прощай им.

— Мы все одни, — сказал дон Жуан, — но умереть о одному — не значит умереть в одиночестве. — Его голос звучал подавленно и сухо как кашель.

Паблито торопливо плакал. Затем он встал и заговорил. Это не была торжественная речь или свидетельство. Чистым голосом он поблагодарил дона Генаро и дон Жуана за доброту. Он повернулся к Нестору и поблагодарил его за предоставленную возможность заботиться о нем. Он вытер глаза рукавом.

— Что за удивительная вещь, этот прекрасный мир! Что за таинственное время! — воскликнул он. Его настроение было потрясающим. — Если я не вернусь, то прошу, как высшей милости, помочь тем, кто разделил мою участь, — сказал он дону Генаро.

Затем он повернулся на запад в направлении дома. Его сухое тело содрогнулось от рыданий. Он бросился к краю плато с протянутыми руками, как будто он бежал обнять кого-то. Его губы двигались, казалось, он говорил низким голосом. Я отвернулся, я не хотел слышать, что говорит Паблито.

Он вернулся туда, где мы сидели, грохнувшись подле меня, и опустив голову.

Я был не в силах вымолвить слово. Но затем, казалось, внешняя сила охватила меня, заставив встать, и я тоже высказал свою благодарность и печаль.

Все опять смолкли. Северный ветер мягко дул мне в лицо. Дон Жуан смотрел на меня. Я никогда не видел столько доброты в его глазах. Он сказал мне, что *воин* желает счастливого пути и благодарности всему, кто сделал жест доброты или заботы для него, и что я должен высказать мою благодарность не только им, но и тем, кто заботился обо мне и помог мне на моем пути.

Я повернулся на северо-запад к Лос-Анджелесу, и вся сентиментальность моей натуры вылилась наружу. Что за очищающее облегчение было высказать свои благодарности.

Я сел опять. Никто не смотрел на меня. — *Воин* признает свою боль, но не *погрязание* в ней, — сказал дон Жуан. — Поэтому настроение *воина*, который входит в незнаемое — не одна печаль. Напротив, он радуется, так как чувствует смиренность посредством своей великой судьбы, что его дух

безупречен и, сверх всего, полностью знающий о своей эффективности. Радостность *воина* идет от принятия своей судьбы и от допущения того, что лежит впереди для него.

Наступила долгая пауза. Моя печаль была в наивысшей точке. Я хотел что-нибудь сделать, чтобы освободиться от этого давления.

— Свидетель, пожалуйста, достань свою *ловушку для духов*, — обратился дон Генаро к Нестору.

Я услышал громкий, страшно нелепый звук в исполнении Нестора.

Паблито залился почти истерическим смехом и за ним последовали дон Жуан и дон Генаро. Я почувствовал специфическое зловоние и осознал, что Нестор пернул. Невыносимо смешно было видеть выражение предельной серьезности на его лице. Он сделал это не как бы в шутку, а из-за того, что его ловушки духов не было с им. Он старался быть полезным в максимуме, на что был способен.

Все они самозабвенно хохотали. Они были способны перейти мгновенно от величественной ситуации к крайне нелепой.

Паблито внезапно повернулся ко мне. Он хотел узнать не поэт ли я, но прежде чем я успел ответить на его вопрос, дон Генаро выдал рифму: “Карлитос действительно невозмутим, он чуть поэт, шеголь и дурак”.

Все опять разразились взрывом хохота. — Это более лучшее настроение. — сказал дон Жуан.

— И сейчас, прежде чем Генаро и я скажем прощай вам, вы двое можете сказать все, что желайте. Это, может быть, последнее мгновение, когда вы вымолвите слово.

Паблито отрицательно мотнул головой, но у меня было кое-что сказать. Я хотел выразить свое восхищение, благоговейный страх перед превосходным нравом дон Жуана и дон Генаро *воинского* духа. Но я запутался в словах и закончил, не сказав ничего, или даже хуже этого, мое окончание звучало, как будто я опять жаловался.

Дон Жуан встряхнул головой и скривил губы в гримасе неутверждения. Я произвольно рассмеялся. Это не значило, однако, что я упустил свой шанс сказать им о своем обожании. Очень интригующее чувство начало овладевать мною. У меня было чувство изгнанности и радости, превосходной свободы, которое вынудило меня рассмеяться. Я сказал дон Жуану и дон Генаро, что мне наплевать на исход моей встречи с неизвестным, что я счастлив и един, и что жив ли я или нет не имеет значения для меня в этот момент.

Дон Жуан и дон Генаро были восхищены моим утверждением даже больше, чем я. Дон Жуан шлепал себя по бедрам и смеялся. Дон Генаро бросил свою шляпу на землю и заорал, как будто скакал на лошади.

— Мы веселим себя и смеемся, пока ждем, точно как рекомендовал свидетель. — внезапно заговорил дон Генаро. — И это естественное состояние для того, что всегда шло к концу.

Он посмотрел на небо. — Уже почти время для нас, чтобы распустить шайку, подобно воинам в рассказе, — сказал он. — Но прежде, чем мы

пойдем своими отдельными путями, я должен сказать вам обоим последнюю вещь. Я должен открыть вам *воинский секрет*. Возможно, вы можете называть это *предрасположенностью воина*.

Он обратится ко мне, в частности, и заметил, что я как-то говорил ему, что жизнь *воина* холодна и одинока и лишена чувств. Он даже добавил, что именно в данный момент я заключил, что это действительно так.

— Жизнь *воина* не имеет возможности быть холодной и лишенной чувств, — сказал он, — потому что она базируется на его привязанности, его преданности своей возлюбленной. И кто, ты можешь спросить, его возлюбленная? Я покажу тебе сейчас.

Дон Генаро встал и двинулся медленно к совершенно ровному месту прямо перед нами, в 10—12-футах от нас. Он сделал движение руками, как будто сметал пыль с груди и живота. Затем произошла странная вещь. Вспышка почти невоспринимаемого света прошла через него, она пришла из земли и, казалось, загляла все тело. Он сделал что-то похожее на задний пируэт, правильное сказать заднее пике, и приземлился на руки и на грудь. Его движения были проделаны с такой филигранной точностью и мастерством, что, казалось, он бил невесомым существом, червякоподобным созданием, которое повернулось в себе. Когда он оказался на земле, то выполнил серию неземных движений. Он скользил в нескольких дюймах над землей или катился по ней, как будто лежа на шарикоподшипнике, или же он плыл на ней, описывая круги с быстротой и ловкостью угря, плывущего в океане.

Мои глаза начали на мгновение скашиваться, и затем без какого-либо перехода стал наблюдать светящийся шар, скользящий взад и вперед по чему-то, казавшемуся полом конькобежного катка с тысячами огней, сверкающих на нем. Зрелище было грандиозным. Затем шар огня успокоился и остановился недвижим. Голос встряхнул меня и рассеял мое внимание. Это был голос дон Жуана. Сначала я не мог понять, что он говорит.

Я взглянул опять на огненный шар, но смог различать только дон Генаро, лежащего на земле с вытянутыми руками и ногами.

Голос дон Жуана был очень отчетлив. Казалось, он переключил что-то во мне, и я начал писать.

— Любовь Генаро — это мир, — сказал он. — Он что сейчас обнимал эту огромную землю, но так как он очень мал, то все, что он мог сделать, это плыть в ней. Но земля знает, что Генаро любит ее, и она изливает на него свою заботу. Вот почему жизнь Генаро наполнена до краев и его состояние, где бы он ни был, многообразно. Генаро скитается по тропинкам своей любви и, где бы он ни был, он цельный. — Дон Жуан сел на корточки перед нами. Он ласково погладил землю.

— Это *предрасположенность двух воинов*, — сказал он. — Эта земля, этот мир, для *воина* не может быть более великой любви.

Дон Генаро встал и присел на мгновение на корочки рядом с дон Жуаном, и они уставились оба не мигая на нас, затем они оба в унисон сели, скрестив ноги.

— Только если кто-то любит эту землю несгибаемой страстью, он может облегчить свою печаль. *Воин* всегда радуется, потому что его любовь неиз-

менна, и его возлюбленная, земля, обнимают его и награждает его nepостижимыми дарами. Печаль принадлежит только тем, кто ненавидит те самые вещи, которые дают приют этим сущностям.

Дон Жуан опять ласково погладил землю. — Это любимое существо, которое живо в своем последнем убежище и понимает каждое чувство, успокаивает меня, оно исцеляет мои боли, и когда, наконец, я понимаю мою любовь к нему, оно учит меня свободе.

Он сделал паузу. Тишина вокруг нас была пугающей. Ветер дул тихо, и затем я услышал далекий вой одинокой собаки.

— Прислушайтесь к этому вою, — продолжил дон Жуан. — Этим способом моей возлюбленная земля помогает мне сейчас принести этот последний пункт для вас. Этот вой наимпечальнейшая вещь на свете, которую можно услышать.

Мы помолчали мгновение. Вой этого одинокого пса был так печален и тишина вокруг нас так глубока, что я испытал онемевающую скуку, это заставило меня подумать о собственной жизни, моей печали, моего незнания куда идти и что делать.

— Этот вой собаки — ностальгический голос человека, — сказал дон Жуан. — Он приходит из дома в этой долине по направлению к югу. Человек кричит через своего пса, так как они компаньоны — рабы жизни, ее печали, ее тоски. Он просит свес смерть придти и освободить его от тупых и мрачных оков его жизни.

Слова дон Жуана схватили наиболее расстраивающую черту во мне. Я чувствовал, что он говорит прямо мне.

— Этот вой и одиночество, им порожаемое говорит о чувствах людей, — продолжал он, — людей, для которых целая жизнь подобна одному воскресному вечеру, вечеру, который не полностью несчастен, ну скорее жарок и монотонен и неудобен. Они много потеют и суетятся. Они не знают куда идти или что делать. Этот вечер оставляет им только память о удручающих расстройках и скуке, и затем внезапно все заканчивается, уже почти ночь.

Он напомнил историю, которую однажды рассказал ему о 72-летнем старике, который жаловался, что его жизнь была так коротка, что ему казалось прошел всего лишь один день с тех пор как он был мальчиком. Человек сказал мне — «Я помню пижаму, которую обычно одевал, когда мне было 10 лет. Кажется, всего только один день прошел. Куда ушло время?»

— Противоядие, которое убивает этот яд, находится здесь, — сказал дон Жуан, лаская землю. — *Сесер-объяснение* не может вовсе освободить дух. Взгляни на вас двоих. У вас есть *сесер-объяснение*, но то, что вы знаете его, не имеет никакой разницы. Ты белее одинок, чем раньше, потому что без непоколебимой любви к существу, дающему тебе убежище, одиночество остается одиночеством.

Только любовь к этому прекрасному существу может дать свободу для духа *воина*, и свобода есть радость, эффективность и непринужденность при любых шансах. Это последний урок. Он всегда оставляется на самый послед-

ний момент крайнего одиночества, когда человек остается перед лицом своей смерти и одиночества. Только тогда оно имеет смысл.

Дон Жуан и дон Генаро встали, вытянули руки и изогнули спины, как будто сидение сделало их тела негнушимися. Мое сердце начало быстро биться. Они заставили меня и Паблито встать.

— Сумерки — это разлом между двумя мирами, — сказал дои Жуан. — Это дверь в неизвестное

Он показал движением руки на плато, где мы стояли.

— Это плато прямо перед этой дверью. — Он указал затем на северный край плато. — Это — дверь. За ней пропасть и за этой пропастью — неизвестное.

Дон Жуан и дон Генаро повернулись ж Паблито и сказали прощай ему. Глаза Паблито были расширены и неподвижны. Слезы катились вниз по его щекам.

Я услышал голос дона Генаро, сказавшего прощай мне, но не слышал голоса дона Жуана.

Дон Жуан и дон Генаро двинулись к Паблито и коротко шепнули ему на уши. Затем они подошли ко мне. Но прежде, чем они шепнули что-то, я почти ощутил специфической чувство расщепленности.

— Мы будем сейчас подобны пыли на дороге, — сказал дон Генаро. — Возможно это придет в твои глаза опять в некоторый день.

Дон Жуан и дон Генаро отступили назад и, казалось, слились с темнотой. Паблито держал мою руку и мы сказали прощай друг другу. Затем странный порыв, сила заставили меня броситься с ним к северному краю плато. Я чувствовал его руку, держащую мою, когда мы прыгнули, и затем был один.

К о н е ц

3. Дар Орла

цитируется по:

Carlos Castaneda. The Eagles Gift. Pocket books, 1981.

Пауа, управляющая судьбой всех живых существ, зовется *Орел*, не потому, что она есть орел или имеет какое-либо отношение к орлу, а потому, что она появляется перед *пророком* (seer) как неизмеримый блестящий орел, стоящий твердопрямо, как стоит орел, и его высота достигает бесконечности.

Когда *пророк* вглядывается в черноту, которой является *Орел*, четыре луча света открывают ему, чему подобен *Орел*.

Первый луч (blaze) подобный языку (bolt) свечения помогает пророку определить контуры тела *Орла*. Пятна белизны смотрятся подобно орлиным перьям и когтям. Второй язык свечения раскрывает трепещущую черноту, которая выглядит подобно крыльям орла. С третьим лучом свечения *пророк* замечает пронзительный, нечеловеческий глаз. И четвертый, последний луч раскрывает, что *Орел* делает.

Орел пожирает сознания всех созданий, которые жили на земле и сейчас мертвы и плывут к *Орлиному* клюву подобно нескончаемой стае искорок, чтобы встретить своего владыку, свою причину бывшей жизни. *Орел* распу-

тывает эти тонкие огоньки, кладет их плоско, как дубильщик вытягивает шкуры, и затем поглощает их, так как сознание есть пища *Орла*.

Орел, это — *пауа*, что правит судьбой всех живых существ, отражает однозначно и сразу все эти живущие вещи. Нет способа для человека возносить мольбы к *Орлу*, просить благосклонности, надеется на милость. Человеческая часть *Орла* столь незначительна, чтобы сдвинуть целое.

Только из действий *Орла пророк* может сказать, что Он хочет. *Орел*, хотя он не двигается по обстоятельствам любой живущей вещи, приносит дар каждому из этих существ.

В их собственном пути к правде, каждый из них, если так сильно желает, может получить *пауу* хранить светильник сознания, пауу противостоять ультиматуму смерти и поглощению. Каждое живущее существо награждается *пауой*, если оно так сильно желает, искать выхода к свободе пройти через Него. Этот дар *Орел* жалуется, чтобы сохранить навсегда сознание.

В целях направления живущих существ к этому выходу *Орел* создает *Негуал*. *Негуал* является дубликатом существа, в котором правило раскрывается. Будет ли существо в форме человеческого создания, или животного, или растения, или чего-угодно другого, что живет, *Негуал* посредством своей двойственности тянет искать этот скрытый проход.

Негуал приходит в паре — мужчина и женщина. Двойник-мужчина и двойник-женщина становятся *Негуалом* только после того, как *правило* (rule) рассказано им обоим и каждый из них понял его и принял его полностью.

На взгляд *пророка* *Негуал*-мужчина и *Негуал*-женщина проявляются как сияющее яйцо с четырьмя компонентами. В противоположность обычному человеческому существу, который имеет только две стороны: левую и правую, *Негуал* обладает левой стороной, разделенной на две длинные секции, и правой стороной, также разделенной надвое.

Орел создал первых *Негуал*-мужчину и *Негуал*-женщину как *пророков* и немедленно вложил их в мир смотреть. Он снабдил их четырьмя женскими

воинами, тремя мужскими воинами и одним мужским курьером, о которых они должны заботиться, усиливать их и вести к свободе.

Женские воины называются четырьмя направлениями, четырьмя углами квадрата, четырьмя настроениями, четырьмя ветрами, четырьмя различными женскими персональностями, которые существуют в человеческой расе.

Первая является востоком. Она зовется порядком. Она оптимистична, умеренно теплая, мягкая, постоянная, подобно неизменному бризу.

Вторая является севером. Она зовется силой. Она ресурсивная, грубоватая, прямая, упорная, подобно сильному ветру.

Третья является западом. Она зовется чувством. Она внутриглубинная, полная угрызений, коварная, лживая, подобная холодному порыву ветра.

Четвертая является югом. Она зовется ростом (развитием). Она воспитанная, громкая, стыдливая, теплая, подобно горячему ветру.

Три мужских воина и курьер представляют четыре типа мужской активности и темперамента.

Первый тип представляет знающего человека, ученого, великодушного, надежного, спокойного человека, полностью отдающегося завершению своей задачи.

Второй тип является человеком действия, чрезвычайно живой, веселый, изменчивый (volatile), очень юмористичный, непостоянный (fickle) компаньон.

Третий тип является организатором за сценой, таинственный, неизвестный человек. Ничто нельзя сказать о нем, так как он не позволяет ничему о себе выскользять.

Курьер является четвертым типом. Он ассистент, молчаливый, трезвый человек, который действует очень хорошо, когда правильно направлен, но который не может действовать самостоятельно.

Чтобы сделать вещи проще, *Орел* показывает *Негуал*—мужчине и *Негуал*—женщине, что каждый из этих типов среди мужчин и женщин на земле имеет специфические черты в их светящемся теле.

Ученый имеет неглубокое углубление, яркую депрессию в солнечном сплетении. В некоторых людях она проявляется как лужица интенсивного свечения, нечто мягкое и сияющее, подобно зеркалу без отражения.

Человек действия имеет некоторые фибры, истекающие из области воли (ниже пупа). Число фибр варьируется от одной до пяти, их размер изменяется от простой веревки до толстого кнутообразного шупальца длиной до 9 футов. Некоторые обладают не менее, чем тремя из таких фибр, преобразованных в шупальца.

Человек за сценой распознается не по специфическим чертам, но по своей способности творить совершенно произвольно взрывы *пауы*, что эффективно блокирует внимание *пророков*. В присутствии этого типа человека *пророк* обнаруживает себя погруженным в чудные, постоянные (extraneous) детали, более чем в видение.

Ассистент не имеет очевидной конфигурации. *Пророку* он является как чистое сияние нетекущей (flowless) оболочки (shell) свечения.

В царстве женщин восточная распознается, благодаря почти неосязаемым пятнам в свечении, чему—то подобному небольшим областям бесцветного.

Северная имеет предельную (overall) светимость, она выделяет красноватое сияние, почти как тепло.

Западная имеет очень тонкую оболочку, покрывающую ее, оболочку, которая заставляет ее казаться темнее, чем другие.

Южная имеет перемежающееся сияние, она светит некоторое время, затем становится темной, чтобы засиять опять.

Негуал—мужчина и *Негуал*—женщина имеют два различных движения в их светящихся телах. Их правая сторона ходит волнами, а левая закручивается.

В терминах персональности *Негуал*—мужчина постоянен, неизменен. *Негуал*—женщина — это существо на войне (a being at war) и, вместе с тем, расслаблена, даже сознающая, но без напряжения. Оба они отражают четыре типа их пола, четыре типа поведения.

Первая команда, которую дает *Орел Негуалам*, требует найти другой свой собственный комплект четырех женщин—воинов четыре направления, которые являются точной репликой *сталкеров*, но которые есть *дриммеры*.

Дриммеры являются *пророку* как обладающие передником (аргон) волосообразных фибр в середине их тела. *Сталкеры* имеют сходные передникообразные черты, но вместо фибр передник состоит из бесчисленных маленьких и круглых протуберанцев.

Восемь женских *воинов* делятся на две группы (band), которые зовутся правыми и левыми планетами. Правые планеты формируются из четырех *сталкеров*, а левые — из четырех *дриммеров*. *Воины* каждой планеты обучаются Орлом правилу их специфической задачи: *сталкеры* учатся *сталкерству*, а *дриммеры* — *дриммингу*.

Два женских *воина* каждого направления живут вместе. Они настолько схожи, что отражают одна другую, и только через *безупречность* они могут найти утешение и отклик в другом отражении.

Единственное время, когда четыре *дриммера* и четыре *сталкера* соединяются вместе — когда они должны завершить трудную задачу, но только при специальных обстоятельствах, четыре из них должны соединить руки, так как их касание сплавляет их в одно существо, и это должно быть использовано только в случае ужасной необходимости или в момент покидания данного мира.

Два женских *воина* каждого направления присоединяются к одному мужскому в любой комбинации, которая необходима. Таким образом они образуют набор четырех домовладельцев, которые способны присоединить так много воинов, как необходимо.

Мужские *воины* и *курьер* могут также формировать независимое целое из четырех мужчин, или же каждый может действовать самостоятельно, если это диктуется необходимостью.

Далее, *Негуалу* и его группе дается команда найти еще трех *курьеров*. Они могут быть мужчинами или женщинами или теми и другими, но мужчины

должны быть четвертого типа, *ассистентами*, а женщины должны быть южными.

Чтобы быть уверенным, что первый *Негуал*—мужчина поведет свою группу к свободе и не отклонится от этого пути или не испортится, *Орел* берет *Негуал*—женщину в другой мир, чтобы служить маяком, ведущим группу к выходу.

Негуалу и его группе затем дается команда забыть. Они погружаются в темноту и получают новую задачу, задачу вспомнить себя, задачу вспомнить *Орла*.

Команда забыть настолько сильна, что все разделяются. Они не помнят, кто они есть. *Орел* полагает, что если они способны вспомнить себя снова, то найдут тотальность себя. Только тогда они будут иметь силу и терпение, необходимое, чтобы искать и встретить лицом к лицу их определенное путешествие.

Последней задачей, после того как они обретут тотальность себя, является образовать новую пару существ и преобразовать их в новую *Негуал*—мужчину и новую *Негуал*—женщину посредством открытия им правила. И также как первые *Негуал*—мужчина и *Негуал*—женщина были снабжены минимальной группой, они должны создать новую пару *Негуалов* с четырьмя женскими *воинами*—*сталкерами*, тремя мужскими *воинами* и одним мужчиной—*курьером*.

Когда первый *Негуал* и его группа готовы пройти через *проход*, первая *Негуал*—женщина ждет, чтобы вести их. Им приказывается затем взять новую *Негуал*—женщину с собой в другой мир, чтобы служить маяком для ее людей, покидая нового *Негуал*—мужчину в мире, чтобы повторить цикл.

Находясь в мире, минимальное число под *Негуаловым* лидерством составляет 16: 8 женских *воинов*, 4 мужских *воина*, включая *Негуала* и 4 *курьера*. В момент покидания мира, когда новая *Негуал*—женщина с ними, число *Негуала* составляет 17. Если его персональная *пауа* позволяет ему иметь больше воинов, тогда их число может быть увеличено с кратностью 4.

The Plumed Serpent

Заканчивая каждую из целей, которой отмечено *правило*, дон Жуан и его группа *воинов* были готовы к своей заключительной задаче — покинуть мир каждодневной жизни. И все, что оставалось ла Горде, другим учениками мне — это быть свидетелями этому. Одна лишь проблема оставалась нерешенной — что делать с учениками? Дон Жуан сказал, что правильно, если бы они покинули мир с ним посредством ассимиляции в его собственной группе, однако они к этому не были готовы. Их реакции при попытке пересечь мост продемонстрировали ему их слабость.

Дон Жуан выразил мнение, что выбор его *бенефектора* ждать годы, прежде чем соединить группу *воинов* для него, был мудрым решением, давшим положительные результаты, в то время как его собственное решение свести меня с *Негуал*—женщиной и моей собственной группой было почти фатальным для нас.

Я понял, что он высказал это не как выражение сожаления, а как утверждение свободы *воина* выбрать и принять свой выбор. Кроме того он сказал, что серьезно рассматривал следование примеру своего *бенефектора* и, если он поступил так, то потому, что достаточно убедился, что я не подобен ему как *Негуал* и никто, кроме меня, не может подняться выше этой точки. Как бы то ни было, Лидия, Роза, Бенинго, Нестор и Паблито были поставлены в затруднительное положение, только Соледат и Элиджио были в безопасности, так как были даже более искусными, чем *воины* из его собственной группы. Дон Жуан добавил, что для девяти из них было не по силам взять свои благоприятные или неблагоприятные обстоятельства и без сожаления или разочарования или подталкивания себя изменить свой курс или благословение природы в жизненный *вызов*.

Дон Жуан указал, что не все, связанное с нами, было неудачей и небольшая роль, которую мы играли среди его *воинов*, была полным триумфом, поскольку *правило* подходило каждому в моей группе, исключая меня.

Я полностью согласился с ним. Во-первых, *Негуал*—женщина была такова, как предписывало правило. Она обладала уравновешенностью и контролем, она была в состоянии *войны* и, вместе с тем, полностью спокойна. Без каких-либо предварительных приготовлений она приняла и вела всех подаренных дон Жуаном *воинов*, даже хотя они были более чем вдвое старше ее. Эти мужчины и женщины утверждали, что она была точной копией другой *Негуал*—женщины, которую они знали. Она отражала в совершенно каждую из женских *воинов*, далее она могла также отразить пять женщин, которых дон Жуан нашел для моей группы, так как они были репликами от старших. Лидия была подобна Хермелинде, Джозефина — Зулусе, Роза и ла Горда — Нелиде, а Соледат — Делии.

Мужчины также были репликами *воинов* дон Жуана: Нестор был копией Висенте, Паблито — дон Генаро, Бенинго — Сильвио Мануеля, а Элиджио — Жуана Тумы. *Правило* было действительно голосом всепобеждающей силы, которая сформировала этих людей в гомогенное целое. Единственной странной причудой судьбы было то, что они были оставлены на берегу без лидера, могущего найти для них проход в другое *осознание*.

Дон Жуан сказал, что все члены моей группы должны сами войти в это другое *осознание*, и что он не знает, каковы их шансы, так как это решается для каждого индивидуально. Он помог каждому *безупречно*, поэтому его дух свободен от нелегких размышлений. Все, что осталось ему сделать, — это показать нам практически, что он понимает под пересечением параллельных линий своей *тотальности*.

Дон Жуан сказал мне, что в нашем случае я могу помочь одному из учеников, и что он выбрал ла Горду вследствие ее могущества и так как я совсем знаком с ней. Он сказал, что я не имею более энергии для других, вследствие того факта, что у меня есть другие обязанности для выполнения, другие пути действия, которые соответствуют моей истинной задаче. Дон Жуан объяснил мне, что каждый из его собственных *воинов* знает, в чем эта задача состоит, но не открывает это мне, так как я должен сам утвердиться в том, что она значима для меня. Факт, что они находятся в конце своего пути, и что я с верой следую полученным инструкциям, утвердили мнение, что такое открытие имело место, хотя и в частичной форме.

Когда пришло время дон Жуану отбыть, он дал мне знать, когда я был в состоянии нормального *осознания*. Но я пропустил значимость того, что он сказал. Дон Жуан до самого конца пытался побудить меня соединить оба мои состояния *осознания*. Все было бы очень просто, если бы я был способен к такому слиянию. Поскольку же я был неспособен и только рационально коснулся его откровений, он заставил меня сдвинуть уровни *осознания*, чтобы позволить оценить события в более содержательных терминах.

Он предостерегал меня неоднократно, что быть в левостороннем *осознании* является продвижением только в том смысле, что наше схватывание вещей ускоряется. Но это — регресс, так как позволяет нам фокусироваться с неосознаваемой ясностью только на одной вещи в данное время, это делает нас зависимыми и уязвимыми. Мы не можем быть самими собой, будучи в состоянии левостороннего *осознания*, и должны быть успокаиваемыми воинами, достигшими *тотальности* себя и знающими как управляться с собой в этом состоянии.

Ла Горда сказала, что однажды *Негуал* Жуан Матус и Генаро собрали всех учеников в ее доме. *Негуал* заставил их сдвинуться в левостороннее *осознание* и сказал, что его время на земле подходит к концу.

Сначала она не поверила ему. Она думала, что он пытается пугать их действиями, подобно *воинам*. Но затем она осознала, что из его глаз исходит сияние, которое она никогда раньше не видела.

Заставив их сдвинуть уровни *осознания*, он говорил с каждым индивидуально и вынудил их пройти через обобщение, чтобы освежить в памяти все концепции и процедуры, с которыми он их ознакомил. Мое свидание имело место за день перед тем, как я видел его в последний раз. В моем случае он провел это обобщение в обоих состояниях *осознания*. Фактически он заставил меня сдвигаться вперед и назад много раз, как бы стараясь убедить, что я полностью насытился в обоих.

Я был неспособен сначала вспомнить все, что имело место после этого обобщения. Однажды ла Горда наконец преуспела во взламывании барьеров моей памяти. Она рассказала, что была внутри моего ума, как будто читая меня. Ее утверждение сводилось к тому, что держа свою память заблокированной, я боялся вспомнить свою боль. То, что случилось в доме Сильвио Мануэля в ночь перед их отбытием, было неразрешимо слито с моим страхом. Она сказала, что имела ясное ощущение, что я боялся, но не знала причины почему. Она не могла вспомнить, что точно имело место в этом доме, особенно в комнате, где мы сидели.

Пока ла Горда говорила, у меня было ощущение, как будто я лечу в пропасть. Я осознал, что нечто во мне пытается установить связь между двумя разделенными последовательностями событий, которым я был свидетелем в двух состояниях *осознания*. На своей левой стороне я хранил память о последнем дне на земле дон Жуана и его группы *воинов*. На своей правой стороне я хранил память о прыжке в этот день в пропасть. Пытаясь воссоединить эти два состояния я испытал чувство полного физического упадка. Мои колени подогнулись и я упал на пол.

Когда я описал свой опыт и интерпретацию его, ла Горда сказала, что то, что пришло на мою правую сторону *осознания*, несомненно является па-

мятью, всплывшей у нее на поверхность, пока я говорил. Она даже вспомнила, что мы предприняли еще одну попытку пересечь *параллельные линии* с *Негуалом* Жуаном Матусом и его группой. Она сказала, что двое из нас вместе с остальными учениками попытались еще раз перейти мост.

Я не мог перенести это воспоминание в фокус. Казалось, была некоторая конструктивная сила, которая препятствовала мне организовать мысли и чувства по поводу этого. Ла Горда сказала, что Сильвио Мануэль сказал *Негуалу* Жуану Матусу приготовить меня и всех других учеников для пересечения. Он не хотел оставлять меня в мире, так как полагал, что я не схвачу шанс выполнить свою задачу. *Негуал* не согласился с ним, но выполнил все приготовления, несмотря на свои чувства.

Ла Горда сказала, что вспомнила как я приехал к ней в дом, чтобы забрать ее, как и других учеников, в дом Сильвио Мануэля. Они оставались там, пока я ездил назад к *Негуалу* Жуану Матусу и Генаро, чтобы приготовить-ся к пересечению.

Я совсем этого не помнил. Она настаивала, чтобы я использовал ее как гίδα, поскольку мы так тесно связаны. Она заверила меня, что я могу читать ее мозг и найти нечто, что разбудит полностью мое воспоминание.

Мой разум был в состоянии ужасной пытки. Чувство скованности мешало мне фокусироваться даже на том, что ла Горда говорила. Она продолжала рассказывать, описывая что вспомнила о нашей второй попытке перейти мост. Сильвио Мануэль обратился к ним с речью. Он сказал, что мы достаточно тренированы, чтобы попытаться еще раз пересечь. То, что необходимо, чтобы полностью войти в *другого себя*, — опустошить *намерение их первого внимания*. Как только они оказались в осознании *другого себя*, паца *Негуала* Жуана Матуса и его группы вытащила их и подняла в *третье внимание* с чрезвычайной легкостью, чего они не смогли бы сделать, если бы ученики были в нормальном *осознании*.

С некоторого момента я не слушал более ла Горду. Звук ее голоса был действительно движителем для меня. Внезапно память о всем происходившем всплыла в моем уме. Я заметался под воздействием воспоминаний. Ла Горда остановилась говорить, и как только я описал ей мои воспоминания, она также все вспомнила. Мы воссоединили последние куски отдельных воспоминаний о наших двух состояниях *осознания*.

Я вспомнил, что дон Жуан и дон Генаро подготавливали меня к пересечению, когда я был в состоянии нормального осознания. Рационально я полагал, что они подготавливают меня к прыжку в пропасть.

Ла Горда вспомнила, что подготавливая их к пересечению, Сильвио Мануэль поднимал их к балкам крыши, подвешивая их на ременной упряжи по одному в каждой комнате в его доме. Ученики были подвешены почти целый день.

Ла Горда добавила, что иметь упряжь в своем доме является идеальной вещью. Генаросы, не зная действительно, что они делают под воздействием квазивоспоминаний об упряжи, на которой были подвешены, создали свою игру. Это была игра, сочетающая целебные и очистительные свойства состояния удаления от земли с возможностью выполнения концентрации, не-

обходимой для сдвига от правого к левому *осознанию*. Их игра была действительно движителем, который помог им вспомнить.

Ла Горда сказала, что после того, как она и все ученики оставались подвешенными весь день, Сильвио Мануэль спустил их в сумерки. Все они пошли с ним к мосту и ждали с остальной группой, пока *Негуал* Жуан Матус и Генаро покажутся вместе со мной. *Негуал* Жуан Матус объяснил всем, что приготовить меня заняло дольше времени, чем он предполагал.

Я вспомнил, что дон Жуан и его *воины* перешли через мост раньше нас. Донна Соледат и Элиджио автоматически пошли за ними. *Негуал*—женщина перешла последней. С другой стороны моста Сильвио Мануэль просигналил нам начать движение. Не говоря ни слова, все мы начали одновременно. На середине моста Лидия, Роза и Паблито, казалось, были не способны сделать еще шаг. Бенинго и Нестор дошли почти до конца и затем остановились. Только ла Горда, Джозефина и я дошли до того места, где стояли дон Жуан и другие.

То, что случилось дальше было очень похоже на то, что произошло в первый раз, когда мы пытались перейти через. Сильвио Мануэль и Элиджио держали открытым нечто, что, я полагаю, было действительно щелью. У меня было достаточно энергии, чтобы сфокусировать внимание на этом. Это был не проход в холме на конце моста или проход в стене тумана, хотя я мог различить туманообразные испарения вокруг щели. Это был темный таинственный вход, который стоял сам собой, отдельно от всего другого, он был величиной с человека, но узкий. Дон Жуан пошутил, назвав его “космическим влагалищем”, замечание, вызвавшее ревущий смех его коллег. Ла Горда и Джозефина держались за меня и мы вступили в него.

Сразу же я почувствовал, что разрушаюсь. Та же неопределенная сила, которая заставила меня распространиться в первый момент, собрала меня снова. Я мог чувствовать ла Горду и Джозефину, схватившихся со мной. Казалось, я был шире, чем они, и сила трепала меня об их двух вместе.

Следующее, что я знаю, это то, что я лежал на земле с ла Гордой и Джозефиной на мне. Сильвио Мануэль помог нам встать. Он сказал мне, что для нас невозможно соединиться с ними в их путешествии в данный момент, но может быть позднее, когда мы повернем себя к совершенству, *Орел* позволит нам пройти через.

Когда мы возвращались в его дом, Сильвио Мануэль почти шепотом сказал мне, что мой и их путь разошлись в эту ночь друг от друга. И они никогда не встретятся вновь, и что я буду один. Он убеждал меня быть экономным и использовать каждый кусочек моей энергии, не трата ничего из нее. Он заверил меня, что если я смогу достичь тотальности себя без чрезмерного истощения, то буду иметь энергию выполнить свою задачу. Если я опустошу себя чрезмерно, прежде чем потеряю человеческую форму, то погублю себя.

Я спросил, есть ли путь избежать опустошения (*drainage*). Он потряс головой и сказал, что есть путь, но не для меня. Преуспею я или нет — это не зависит от моего желания. Затем он открыл мою задачу. Но он не рассказал, как выполнить ее. Он сказал, что в некоторый день *Орел* поставит кого-то на моем пути, чтобы рассказать, как сделать это. Но пока я не буду иметь успеха в этом, я не буду свободен.

Когда мы подошли к дому, все собрались в большой комнате. Дон Жуан сел в центре, лицом на юго-восток. Восемь женщин—*воинов* окружили его. Они сели по парам в кардинальных точках, также глядя на юго-восток. Затем три мужчины—*воина* создали треугольник вне круга с Сильвио Мануэлем в вершине, направленной на юго-восток. Две женщины—*курьера* примкнули к нему по бокам и два мужчины—*курьера* сели перед ним почти напротив стены.

Негуал—женщина заставила мужчин—учеников сесть напротив восточной стены, а женщин — напротив западной стены. Затем она повела меня на место прямо сзади дон Жуана, и мы сели там вместе.

Мы посидели, я полагаю, всего лишь мгновение, и, тем не менее, я ощутил приток необычной энергии в моем теле. Я полагаю, что мы сели и затем немедленно встали. Когда я спросил *Негуал*—женщину, почему мы встали так быстро, она ответила, что мы сидели здесь несколько часов, и когда-нибудь, прежде чем я войду в третье внимание, все это вернется ко мне назад.

Ла Горда утверждала, что не только у нее было ощущение, что мы сидели в этой комнате всего лишь мгновение, но она никогда не говорила, что это было иначе. После *Негуал* Жуан Матус сказал ей, что она несет обязанность помочь другим ученикам, особенно Джозефине, и что придет день, когда я вернусь, чтобы дать ей заключительный толчок, необходимый, чтобы перейти полностью в другое себя. Она связана со мной и Джозефиной. В нашем *дриминге* вместе под руководством Зелусы мы разрядили огромное количество нашей светимости. Вот почему мы были способны выдерживать вдвоем давление другого себя при входе его в тело. Он также сказал, что именно *пауа воинов* его группы позволила произвести пересечение так легко, и что она должна будет пересечь самостоятельно, то должна подготовительно сделать это в *дриминге*.

После того, как мы встали, Флоринда подошла ко мне. Она взяла меня за руки и прошла со мной вокруг комнаты, пока дон Жуан и его *воины* разговаривали с учениками.

Она сказала, что я не должен позволять событиям этой ночи у моста смущать меня. Я не должен полагать, как *Негуал* Жуан Матус полагал одно время, что это действительно физический переход в другое себя. Щель, которую я наблюдал, просто конструкция их намерения, это ловушка, полученная посредством комбинации одержимости *Негуала* Жуана Матуса *проходами* и эксцентричного чувства юмора Сильвио Мануэля. Смесь обоих произвела космическое влагалище. Насколько она знает, проход из *одного себя в другое себя* не является физическим. Космическое влагалище является физическим выражением *пауы* двух людей двигать “колесо времени”.

Флоринда пояснила, что когда она и ее друзья говорят о *времени*, они не имеют в виду нечто, что измеряется движением часов. Время есть эссенция *внимания*, эманации *Орла* произведены вне времени, и, правильно говоря, когда нечто входит в любой аспект другого себя, он познает время.

Флоринда заверила меня, что этой самой ночью, когда мы сидели в том самом расположении, они использовали последний шанс помочь мне и ученикам повернуть лицо к *колесу времени*. Она сказала, что *колесо времени* подобно состоянию *высочайшего осознания*, являющегося частью *другого*

себя, как *левосторонне осознание* является частью каждодневной жизни, и что оно не может быть физически описано как туннель бесконечной длины и ширины, туннель с мыслящими бороздами (*reflective*). Каждая борозда беспредельна и существует бесконечное число их. Живущие создания вынуждены силой жизни глядеть в одну борозду. Глядеть в нее означает быть пойманным ей, жить этой бороздой.

Она заявила, что то, что *воин* называют *волей* (*will*), принадлежит *колесу времени*. Это нечто, подобное бегущему вьюну (*runnervine*) или неуловимому щупальцу, которым каждый из нас обладает. Она сказала, что конечная цель *война* — научиться фокусировать его на *колесе времени*, чтобы заставить его перевернуться. Те воины, которые преуспели в поворачивании колеса времени, могут глядеть в любую борозду и тянуть из нее все, что желают, как, например, космическое влагалище. Быть вынужденно пойманным в одну борозду времени — значит видеть образы этой борозды только, как они удаляются. Быть свободным от очаровывающе связывающей силы этих желобов значит, что некто может смотреть в любом направлении, как образы удаляются или как они приближаются.

Флоринда прекратила говорить и обняла меня. Она шепнула мне на ухо, что вернется закончить свои инструкции когда-то, когда я достигну тотальности себя.

Дон Жуан позвал всех подойти. Они окружили меня. Дон Жуан заговорил со мной первым. От сказал, что я не могу пойти с ним в их путешествие, так как невозможно, чтобы я смог уйти от своей задачи. При таких обстоятельствах единственным, что они могут сделать для меня, это — пожелать мне всего хорошего. Он добавил, что *воин* не имеет собственной жизни. С момента, как они поняли природу своего *осознания*, они перестали быть персонами и человеческие условия не являются более частью их точки зрения. Я имею обязанность как воин и ничего более не существенно, так как я собираюсь оставить позади для выполнения совершенно туманной задачи. Поскольку я совсем бросил свою жизнь, не остается ничего более для них, как сказать, что я должен поступать наилучшим образом. И не остается более ничего для меня, как сказать, что я понял и принял свою судьбу.

Висенте подошел ко мне следующим. Он говорил очень мягко. Он сказал, что вызов *война* состоит в достижении очень тонкого баланса позитивных и негативных сил. Этот вызов не значит, что *воин* должен стремиться все контролировать, но что *воин* должен встретить любую мыслимую ситуацию, ожидаемую или неожиданную с равной эффективностью. Быть совершенным при завершенных обстоятельствах, значит быть *воином* на бумаге. Мой вызов — быть оставленным позади. Их вызов — лететь вперед к невообразимому. Оба выбора суммирующие. Для война возбуждение от остаться эквивалентно возбуждению от путешествия. Оба равны, поскольку оба предполагают выполнение тайной правды.

Сильвио Мануэль подошел следующим, он был озабочен практическими советами. Он дал мне формулу, стихотворение для того времени, когда моя задача превысит мою силу. Это стихотворение пришло мне в голову, когда я в первый раз вспомнил *Негуал*—женщину:

*Я уже отдался силе, что правит моей судьбой.
И я ничем не связан, посему мне нечего защищать.*

У меня нет забот-мыслей, поэтому я намерен видеть.
 Я ничего не боюсь, оттого есть решимость вспомнить себя.
 Раскованно и с легкостью,
 Я жажду мчаться за Орлом, чтобы стать свободным.

*I am already given to the power that rules my fate.
 And I cling to nothing, so I will have nothing to defend.
 I have no thoughts, so I will see.
 I fear nothing, so I will remember myself.
 Detached and at ease,
 I will dart past the Eagle to be free.*

Он сказал, что собирается раскрыть мне принципиальный маневр *второго внимания*, и сразу после этого превратился в *светящееся яйцо*. Он вернулся в свой обычный образ и повторил это преобразование три или четыре раза. Я совершенно четко понял, что он делал, но, тем не менее, не был в состоянии выразить это в словах.

Он преобразовался еще раз в *святящееся яйцо* и тогда мне стало очевидно, что я все знаю. Глаза Сильвио Мануэля повернулись в мгновение переместившись на точку *второго внимания*. Его голова была прямой, как будто он смотрел вперед, только его глаза были косыми. Он сказал, что *воин* должен вызвать *намерение*. Взгляд является секретом. Глаза манят *намерением*.

В этом месте мной овладела эйфория. Давно уже я был способен думать о чем-то, что я знал без реального знания. Причина, почему видение кажется визуальным, состоит в том, что нам необходимы глаза, чтобы сфокусироваться на *намерении*. Дон Жуан и его группа *воинов* знали, как использовать свои глаза, чтобы схватить другой аспект *намерения* и называли этот акт *видением*. То, что Сильвио Мануэль показал мне, было истинной функцией глаз — схватывателей *намерения*.

Затем я намеренно использовал свои глаза, чтобы манить *намерение*. Я сфокусировал их в точке *второго внимания*. Внезапно дон Жуан, его *воины*, Соледат и Элджио превратились в светящиеся яйца, но не ла Горда и три маленькие сестры и генаросы. Я продолжал двигать глаза назад и вперед между пузырями света и людьми, пока не услышал треск с оснований шеи, и все в комнате превратились в светящиеся яйца. Я почувствовал на мгновение, что не могу разделить их по отдельности, но затем, казалось, мои глаза приспособились, и я удерживал два аспекта *намерения*, два образа сразу. Яне мог видеть их физические тела и их светимость. Два зрелища не накладывались друг на друга, но были разделены, и вместе с тем, я не мог определить, каким образом. Я определенно обладал двумя каналами зрения, и *видение* могло все сделать с моими глазами, и, тем не менее, было независимо от них. Я мог все еще *видеть* светящиеся яйца, но не их физические тела, когда закрывал глаза.

В один момент ко мне пришло ясное ощущение, что я знаю, как сдвинуть свое внимание на мою светимость. Я также знал, что, чтобы вернуться на физический уровень, все, что я должен сделать, это сфокусировать свои глаза на своем теле.

Дон Генаро подошел ко мне следующим и сказал, что *Негуал* Жуан Матус как частный дар преподнес мне долг, Висенте дал мне вызов, Сильвио Мануэль — магию, а он собирается дать мне номер.

Он оглядел меня с ног до головы и добавил, что я выгляжу наиболее извиняющимся *негуалом*, которого он когда-либо видел. Он окинул взглядом учеников и заключил, что нам ничего не остается, кроме как быть оптимистами и глядеть на положительные стороны вещей. Он рассказал нам шутку о деревенской девушке, которая была оболещена и брошена городским пройдохой. Когда сваха ей сказала, что ее жених покинул город, она подбодрила себя трезвой мыслью, что не все потеряно. Она потеряла свою девственность, но еще не зарезала своего поросенка для свадебного пира.

Дон Жуан сказал нам, что только одна вещь может помочь нам выбраться из нашей ситуации, а именно ситуации брошенного моста, это полагаться на наших поросят, где бы они не были, и глупо смеяться самим Только через смех мы можем изменить наши условия.

Он делал нам знаки головой и руками дать ему пример нашего сердечного смеха. Вид учеников, пытавшихся смеяться был также комичен, как и моя собственная попытка. Внезапно я рассмеялся с дон Жуаном и его *воинами*.

Дон Генаро, который всегда шутил по поводу меня как поэта, попросил меня громко прочитать поэму. Он сказал, что хочет соединить свои сентиментальные замечания и рекомендации с поэмой, посвященной жизни, смерти и смеху. Он Имел в виду фрагмент поэмы Жозе Горостиза “Смерть без конца”.

Негуал—женщина передала мне книгу и я прочел часть, которую всегда любили дон Жуан и дон Генаро:

*О, что за ослепляющий восторг
Жаждающий истощать
воздух, что мы дышим,
рот, глаза, руки.
Этот острый зуд
потратить всего себя без остатка,
в единственный взрыв смеха.
О, эта бесстыдная, оскорбительная смерть,
что предательски убивает нас издали,
через блаженство, что мы находим в умирании
за чашку чая ...
за неприметную ласку.*

*Oh, what blind joy
What hanger to use up
the air that we breathe
the mouth, the eye, the hand.
What biting itch
to spend absolutely all of ourselves
in one single burst of laughter.
Oh, this impudent, insulting death
that assassinate us from afar,
over the pleasure that we take in dying*

*for a cup of tea ...
for a faint caress.*

Прочтение поэмы было ошеломляющим. Я чувствовал дрожь. Элиджио и курьер Жуан Тума подошли ко мне. Их глаза были сияющие как черный мрамор. Все их чувства, казалось, были сосредоточены в глазах. Курьер Жуан Тума очень мягко сказал, что однажды он ввел меня в мистерию *Мескалито* в своем доме, и что это было преддверием другой оказии в колесе времени, когда он вводит меня в предельную мистирию.

Элиджио сказал, как будто вторя Жуану Туме, что оба они уверены, что я собираюсь выполнить свою задачу. Они будут ждать, что я когда-нибудь присоединюсь к ним. *Курьер* Жуан Тума добавил, что Орел свел меня с группой *Негуала* Жуана Матуса как со спасительной соломинкой. Они обняли меня опять и в унисон прошептали, что я должен доверять себе.

После *курьеров*, женщины-воины подошли ко мне. Каждая из них крепко обняла меня и прошептала на ухо пожелание полноты и завершенности.

Негуал-женщина подошла последней. Она присела и держала меня в объятиях как ребенка. Она излучала действенность и чистоту. У меня перехватило дыхание. Мы встали и обошли вокруг комнаты. Мы говорили и размышляли о нашей судьбе. Силы, которые невозможно выразить, привели нас к этому кульминационному моменту. Благоговейный страх, который я ощущал, был неизмерим. И такова же была моя печаль.

Затем она открыла порцию правила, примененного к трезубому *Негуалу*. Она была в состоянии предельного возбуждения и вместе с тем спокойна. Ее интеллект был бесподобен, и, тем не менее, она не пыталась все рационализировать. Она направляла меня своим настроением. Создавалось впечатление, что до этого самого момента я не вполне осознал финальность нашей ситуации. Нахождение на моей левой стороне означало, что первенство немедленности превалировала, что делало практически невозможным для меня предвидеть за пределы данного момента. Однако влияние ее настроения в сильной степени нагрузило и мое правостороннее осознание и его способность осуждать (*prejudge*), предрешать чувства, которые должны придти. Я осознал, что никогда не увижу ее снова. Это было невыносимо!

Дон Жуан сказал, что на левой стороне нет слез, что *воин* не может долго хихикать, и что единственным выражением страдания является трепет, идущий из самых глубин универсума. Это как будто одна из эманаций *Орла* страдает. Трепет *воина* бесконечен, пока *Негуал*-женщина говорила со мной и держала меня, я чувствовал этот трепет.

Она сплела руки вокруг моей шеи и давила своей головой в мою. Я подумал, что она выжимает меня подобно куску одежды. Я чувствовал что-то, восходящее из моего тела или из нее в мое. Моя мука была так интенсивна и захлестнула меня так быстро, что я сошел с ума (*went berserk*). Я упал на пол с *Негуал*-женщиной все еще обнимающей меня. Я подумал как во сне, что должен нанести ей глубокую рану на лице в нашем падении. Ее лицо и мое было покрыто кровью. Кровь плескалась в ее глазах.

Дон Жуан и дон Генаро быстро подняли меня. Они держали меня. У меня начались несдерживаемые спазмы как в припадке. Женщины-воины окружили *Негуал*-женщину, затем они встали в ряд посреди комнаты. Мужчи-

ны присоединились к ним. В одно мгновение явная цепная энергия прошла между ними. Ряд двинулся и прошел парадом передо мной. Каждый из них пришел на мгновение и встал передо мной, но без нарушения ряда. Это было как будто они двигались на конвейере, транспортирующем их и ставящим каждого из них передо мной. Мужчины—*курьеры* прошли первыми, затем женщины—*курьеры*, затем мужчины—*воины*, затем *дриммеры*, *сталкеры* и, наконец, *Негуал*—женщина. Они проходили и оставались в поле зрения секунду или две, достаточно, чтобы сказать прощай и затем они растворялись в черноте таинственной щели, появившейся в комнате.

Дон Жуан надавил мне на спину и несколько облегчил мою муку. Он сказал, что понимает мою боль, и что близость *Негуал*—мужчины и *Негуал*—женщины является чем-то, что не может быть сформулировано. Она существует как результат эманаций *Орла*. Как только два человека сведены вместе и затем разделены — нет пути заполнить пустоту, так как это не социальная пустота, а движение этих эманаций.

Дон Жуан затем сказал, что собирается заставить сдвинуть меня в максимум вправо. Он сказал, что это благоденственный, хотя и временный маневр, и это позволит мне забыть о временном существовании, но не утешит меня, когда я вспомню.

Дон Жуан также сказал, что акт воспоминания не вполне всеобъемлющий. В действительности этот акт воспоминания себя, который не останавливается воспоминанием взаимодействий, произведенных *воинами* на их *левой стороне осознания*, но идет к воспоминанию всей памяти, которое накопило *светящееся тело* с момента рождения.

Систематическое взаимодействие, которое *воины* проходят в состоянии *высшего осознания*, — всего лишь механизм, чтобы натолкнуть другого себя на раскрытие себя в терминах памяти. Этот акт воспоминания, хотя он и кажется, что только ассоциируется с *воинами*, является чем-то, что находится в царстве каждого человеческого существа, каждый из нас может идти прямо к памяти о нашей святости с непостижимыми и неизмеримыми результатами.

Дон Жуан затем сказал, что в этот день они должны уйти в сумерках, и единственная вещь, которую они еще должны сделать для меня, это создать открывание, прерывание в непрерывности моего времени. Они собираются заставить меня прыгнуть в пропасть, как средство прервать эманации *Орла*, ответственные за мое чувство, что я цел и непрерывен. Прыжок должен быть сделан, когда я нахожусь в состоянии нормального *осознания*, и идея состоит в том, что мое *второе внимание* заработает раньше, чем я умру на дне пропасти, и я выйду полностью в *другого себя*, когда моя энергия истощится, но я не выйду на той же вершине, с которой прыгал. Он предсказал, что я возникну в моей благоприятной точке, где бы она не была. Это будет прерывание в непрерывности моего времени.

Затем он толкнул меня полностью из моего левостороннего *осознания*. И я забыл свою муку, свое назначение, свою задачу.

* * *

В сумерках этого вечера Паблито, Нестор и я прыгнули с обрыва. Удар Негуала был так аккуратен и так благожелателен, что ничто из важных собы-

тий их прощания не перешло пределов других важных событий прыжка на верную смерть и не умирания. Вызывающие благоговейный страх, они были бледны по сравнению с тем, что имело место в другой реальности.

Дон Жуан заставил меня прыгнуть в тот самый момент, когда он и все его воины воспламенили свое *осознание*. У меня было сноподобное видение ряда людей, глядевших на меня. Позже я объяснил это просто как одно из длинной серии видений или галлюцинаций, которые были при прыжке. Эта была хилая интерпретация моим правосторонним *осознанием*, потрясенным устрашаемостью всего события.

На своей левой стороне, однако, я понял, что вошел в другого себя. И это вхождение не могло ничего сделать с моей рациональностью. *Воины* группы дон Жуана поймали меня в момент входа, прежде чем они исчезли в полном свете, прежде чем *Орел* позволил им пройти. Я знал, что они в ряду эманаций *Орла*, что было вне моей досягаемости. Они ждали дон Жуана и дон Генаро. Я увидел, что дон Жуан взял лидерство. И затем это стало только линией изысканных огней в небе. Нечто подобное ветру, казалось, заставляло гроздь огней сжиматься и вздрагивать. Было массивное сияние в одном конце цепочки огней, где был дон Жуан. Я подумал о огненном змее из тольтекской легенды. И затем огни исчезли.

The End
